

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Михаил БАКОВЕЦ

РЕЗЕРВАЦИЯ

Охота на землях открыта!

Annotation

Техногенная ли катастрофа, природная ли вырвала тысячи людей из привычного уклада жизни и перенесла в чужой и враждебный мир. А может, всё это дело рук секретного НИИ, чей эксперимент вышел из-под контроля?

Многим не повезло попасть в чужие тела, другим повезло избежать попадания в плен при переносе. Хищники, людоеды, дикари, проповедующие культ человеческих жертвоприношений, — все они открыли охоту на землян. Сплотятся они или перенесут вражду и грызню за власть и материальные блага, даже погибая в засадах и на жертвенниках, в новый мир?

Михаил Баковец

Резервация

© Михаил Баковец, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Благодарю за помощь в работе над книгой Владимира Поспелова

— Этого переверните, а то ещё захлебнётся, — услышал я незнакомый грубый хриплый голос, — вон его как крутит и корчит, сейчас рвать будет.

Я почувствовал, как меня ухватили за левый рукав на плече и довольно грубо сдёрнули с места, переворачивая на правый бок. Я только открыл рот, чтобы возмутиться таким обращением, как меня скрутила судорога, желудок прыгнул вверх...

Тошнило меня минут десять. Даже когда внутри не осталось ни грамма горько-солёной морской воды, желудок продолжал сокращаться, выдавливая желчь и ещё чёрт знает что за жидкость. Скрипел на зубах песок, взявшийся неизвестно откуда. Когда немного очухался и стёр с лица всю гадость, то сначала слышал звуки, которые сам издавал секунды назад, и только затем женский плач, стоны боли и яростные выкрики, проклятья и богохульства пополам с мольбой к Богу.

Перевернувшись на живот, подтянул колени к груди и, помогая руками, смог встать на четвереньки, затем выпрямил спину, оставшись сидеть и опираясь правой рукой на мокрый плотный песок с множеством кусочков ракушек. И только потом открыл глаза.

Оказалось, что я стоял на коленях в десяти метрах от линии прибоя на песчано-ракушечном пляже. Рядом со мною лежали, сидели и ходили люди. Лежащих было больше всего, передвигались же считанные единицы.

— Эй, парень, ты очухался? — напротив меня встал грузный мужчина с густой рыжей бородой и длинными рыжими же волосами. Тёмно-серая рубашка со шнуровкой у горла была закатана в рукавах до локтей, чёрные штаны, подпоясанные куском верёвки, неизвестный закатал выше колен. Больше одежды на мужчине не было. Ни обуви, ни головного убора. Про себя я отметил некую странность в его одеянии, но в этот момент голова отказывалась соображать нормально, ей было не до разгадок и кроссвордов.

— Вроде бы, — прохрипел я и встал. Получилось неуклюже, чуть не упал обратно.

— Эк тебя трясет-то, — покачал головою рыжий. — М-да, помощник из тебя... ладно, ступай к раненым, поможешь там.

И ушёл, оставив после себя множество вопросов.

«К раненым так к раненым», — мысленно пожал я плечами и, пошатываясь, борясь с головокружением, поковылял в сторону малой кучки народу, где мелькали светлые полоски бинтов, раздавались самые громкие стоны и несколько женщин суетились вокруг лежащих и сидящих людей. Когда подошёл к ним, меня окинула быстрым взглядом немолодая полная женщина в старинном платье — огромная юбка, шнуровка на груди, дутые рукава с кучей кружев и разноцветного шитья. Правда, одежда успела повидать многое, и сейчас от некогда парадного облика ничего не осталось, так, жалкие намёки. Свои волосы женщина спрятала под тёмную косынку.

— Что с тобой? — поинтересовалась та, как только я остановился рядом.

— Рыжий сюда послал, сказал, чтобы помогал раненым.

— Рыжий? Генри Лойд?

— Он самый. Генри Лойд-младший, — неожиданно вырвалось у меня.

— Ты только при нём так не скажи. Забыл, что он любит это прозвище... эй, да что с тобой? — встревожилась собеседница. А меня так зашатало, что я бы свалился с ног, если бы не женщина. Она обхватила меня за талию, помогая удержаться. Потом кликнула свою

кузину, хохотушку Джесс, толстушку Дже, как её звали в нашем поселении... Воспоминания прорвали плотину забвения, разом ворвавшись в мой рассудок, который оказался на самой грани, перед крошечным шажком в пропасть сумасшествия. Всё потемнело вокруг, головокружение усилилось, послышались звуки, которых здесь просто не могло быть: детский смех, кудахтанье, лошадиное ржание и звуки волынки.

— Вот сюда его сажай, Джесс. Головой ударился о подводный камень, наверное, вон какая шишка на затылке, — сквозь рвущийся на части разум прорвались слова миссис Харис, жены бургомистра поселка Белый Дистаун.

Я сам помню себя как Марка Грегори Адамса, двадцатиоднолетнего жителя посёлка, охотника на пушного зверя и помощника лавочника по продаже скобяных изделий, сироту. Это я помню, да. А вот воспринимаю в данный миг Максимом Григорьевичем Абрамовым, двадцатилетним россиянином, жителем города Н... Джипер со стажем, обладатель нескольких грамот в областных соревнованиях. Он же сварщик на заводе, относящемся к ВПК, любитель скалолазания на скалодроме (настоящих гор у нас нет, да и лень мне мерзнуть, обдирать руки-ноги о камни), бывший повар, бывший охранник (ну, а кто у нас в стране из числа крепких парней без высшего образования не начинал с этой профессии?). Бывший писатель (или автор, если по-модному), бывший... да много кем мне пришлось побывать, пока не взял в руки держак с электродом и не закрыл лицо «хамелеоном».

Голова разболелась так сильно, что каждый удар сердца был готов разорвать её на части. Невольно при очередной вспышке боли застонал.

— Марк, что с тобой?

— Голова, миссис Харис. Раскалывается, просто сил нет терпеть, — признался я.

— Джесс, дай мальчику немного сонного корня, это должно помочь.

Через пару минут я держал на языке пластинку чего-то твёрдого и сухого с привкусом ментола и одновременно слегка жгучего. Понемногу боль в голове прошла, появилось умиротворение, слабость в теле, спутница скорого сна.

— Э-э, хватит тебе уже, выплёвывай, — подскочила ко мне Джесс и вытащила разбухший, ставший пресным коричневым комок корня. — Полежи теперь, Марк, можешь поспать.

«Да какой тут поспать», — про себя вздохнул я. Вместе с головной болью ушла и муть в мыслях. Теперь я точно знал, что я Максим в теле Марка, с его воспоминаниями и, пожалуй, навыками. По крайней мере, я знал, как пользоваться фитильным мушкетом, брать поправки при стрельбе из него и бить юркую куницу и крепкого на рану бобра. Держал в руке колесцовые пистолы и даже однажды видел новейший штуцер с ударно-кремневым замком. М-да, «новейший», едрить-колотить.

На галеоне все жители посёлка попытались найти себе лучшую долю, собрав весь скарб и часть живности. Небольшая плодородная и тёплая долина, закрытая горами от холодных ветров, была моей (а точнее, Марка) родиной. Сюда около сорока лет назад пришли деды и отцы. Полив землю своей кровью, кровью дикарей и хищников, поселенцы смогли создать уютный уголок. Но недавно заявили люди лорда Жархала с заявлением, что, мол, долина принадлежит роду лорда и жители должны дать присягу подчинения или убираться прочь. Голыми. Дома, утварь, оружие, продукты, скотина с птицей и дары охоты принадлежали лорду, как владельцу земли. Издевательство и насмешка одного из сильных этого мира над рядовыми бесправными обывателями.

Прихвостней лорда, кто оказался глупее и не сбежал вовремя, мы (или они, поселковые)

посадили на колья вместе с документами лорда. На сбежавших устроили охоту, в которой участвовал и Марк, пристреливший одного и отыскивавший по следам ещё двоих врагов.

После этого на собранном тут же совещании порешали бросать всё и уходить через перевал к ближайшему порту, нанимать корабль и плыть в Новый Мир, как называли недавно открытый далёкий материк, полный аборигенов, готовых сражаться за свою землю до последней капли крови. Но против мушкетов, пушечной картечи и эскадронов драгун с пиками, пистолями и в кирасах могли противопоставить лишь свою отвагу да луки с пращами. Для поселенцев, которые третье поколение только и знают, что сражаются, подобные враги и врагами-то не были.

Всё шло благополучно, пока корабль не попал в шторм. Одну мачту почти тут же переломило, вторую и третью сильно повредило, оставив жалкие обрывки такелажа. После этого ни о каком целенаправленном движении не могло быть и речи — остатков парусов хватало лишь на то, чтобы хоть немного двигаться с помощью ветра... куда он дует.

Две недели судно было игрушкой волн и ветра, пока не налетело на подводные скалы и не стало разваливаться на части. Экипаж и поселенцы решили найти спасение в шлюпках, которые уцелели с начала буйства стихии и не были сорваны волнами. Из-за перегруза деревянные скорлупки одна за другой заливались водою и переворачивались. До далёкого берега добралась лишь треть людей. Уцелевших, продолжающих сражаться с ветром и водою, до сих пор вытаскивали на берег. К сожалению, вместе с ними прибило и утопленников, что не добавляло стойкости духа людям.

Марком я перестал себя ощущать, когда корабль налетел на рифы. Просто раз — и я уже другой человек. Словно некий рубильник переключили в другое положение. Возникшую панику быстро задавил капитан с помощниками и старейшины посёлка. Первым делом по шлюпкам рассадили женщин и детей, в каждую партию добавили по паре крепких мужчин, чтобы ворочали вёслами. Остальные довольствовались обломками брусьев, досками, пустыми бочками и прочим барахлом, попавшимся под руку, которое могло держаться на воде и держать на себе человека-двух.

По словам капитана, «вон в той стороне земля, нужно просто держать нос лодки в том направлении — волны сами вынесут». Ну да — вынесли, как же! Несколько лодок из-за перегруза перевернулись. Какая-то часть спасавшихся на обломках перепутала направление (что и неудивительно. попробуй тут сориентируйся, когда из воды торчит лишь одна твоя голова и её то и дело её захлестывает волнами) и пропала с концами. Мне повезло попасть в кильватер одной из шлюпок и двигаться за ней, удерживая чёрную корму посуды с белой крупной надписью на ней в поле зрения в те моменты, когда приподнимало волной. Ещё одним из пунктов везения была пара небольших пустых бочонков, связанных тонким канатом, успешно держащих меня на поверхности.

Перед самым берегом из воды выскочил кусок толстой рей с обрывками такелажа в каком-то метре от меня. Я успел заметить опасность, но не сумел среагировать. Тяжеленная деревяшка разнесла мои бочонки и как следует приложила по голове. Очнулся я уже на берегу, а память вернулась только сейчас.

Несмотря на изменение обстановки при смене тела, действовал я без паники, отдавшись воле случая. Может, потому и выжил. А начал бы думать-гадать, а что же это такое, а не кажется мне ли окружающий мир, не сплю ли я, то сгинул бы.

Глава 1

Благодаря сонному корню я задремал и проспал до глубокой ночи. Проснулся в необыкновенной тишине — шторм затих, и вода была, как зеркало, раненые не стонали, не слышалось ругательств и проклятий. В моей голове поселилась тупая тянущая боль, саднило горло и крутило живот — то ли от голода, то ли после морской воды, которой я нахлебался изрядно в процессе спасения и потом яростно выдавливал из себя.

Рядом сидел сын одного из поселковых кузнецов, мм, как же его...

— Митчел, эй! — окликнул я парня, моложе меня на три года и с которым я-Марк не особо общался в Белом Дистауне.

Тот нехотя повернул голову в мою сторону и молчаливо уставился равнодушным потухшим взглядом.

— Эй, ты чего такой? Митчел, что с тобою?

Вопросы, быть может, нелепые в данной ситуации, но нужно было растормошить парня, заставить того заговорить со мною. А то его непонятное состояние пугает меня.

— Родители живы? Много наших уцелело? — продолжал я задавать вопросы. — Как сам себя чувствуешь, ты ранен? Нет?

— Да какая разница, — без каких-либо эмоций ответил тот, — все равно мы скоро все умрём, и наши души не увидят рая.

— Да как ты такое можешь говорить? Послушай меня, Митчел...

— Смотри, — прервал меня паренёк и мотнул головой куда-то вверх, к небу. Непроизвольно я поднял взгляд, повёл им вправо-влево и внезапно почувствовал, как холодная дрожь начинает колотить тело.

— Эиксит! Боже правый! — прошептал я, на несколько секунд перестав быть скептиком с Земли, отдав бразды правления почти полностью угасшему сознанию Марка.

Небольшой материк или же огромный остров (учёные до сих пор спорят) Эиксит был для местных адом наяву. Возник несколько столетий назад на месте большого архипелага и сразу разрушил представление людей о мироустройстве. Кроме точных сведений, что добраться до острова было почти невозможно из-за постоянно бушевавших вокруг него штормов, никаких подробностей люди не знали. Зато слухов о кровожадных дикарях, колдунах, проводящих человеческие жертвоприношения, чудовищах в местных лесах и горах хватало.

Для всего населения планеты Эиксит был страшилкой номер один. Адом в реальном мире. И слухи рождались не на пустом месте, кстати. Из множества экспедиций и отрядов сорвиголов единицы смогли высадиться на чужой берег. Золото, рабы, драгоценная древесина и пряности, как и многое другое, что ценится в мире, манили людей. Но столкнувшись с реальностью, все они бежали прочь, бросая добро и оружие, лишь бы поскорее оказаться в океане среди волн и ветров. Именно они рассказали про красавиц, вырывающих голыми руками сердца у людей. О живых мертвецах, не боящихся клинков и свинцовых пуль, змей, которые проглатывали солдата живьём, растений, что выпивали кровь за минуту из неосторожного авантюриста, о драконах, нападающих из поднебесья, словно коршун на цыплят, и о многом другом, что не может и представить себе разум человека. Но самые страшные рассказы были про местных жрецов, которые забирали себе души людей, заставляя их служить себе.

Как я узнал, что попал в местный ад? Ну, тут достаточно увидеть луну, и всё станет ясно. Огромный спутник был раза в три больше привычного светила. Кроме того, имел багровый цвет с чёрной неровной каймой по краям и яркими алыми пятнами. Даже мне смотреть на местную луну было тяжело, а что говорить про местных, воспитанных на страшилках?

М-да, очень хочется, чтобы та информация, которую я почерпнул из своей новой памяти, оказалась лишь раздутыми сказками. Вроде тех, что на Земле ходили: «люди с головами собак», «воздух всегда заполнен белыми перьями» и «земля плоская, стоит на спинах трёх слонов, которых возит черепаха в безбрежных водах».

— Митчел, твоя душа ещё при тебе, так сделай же всё, чтобы так и было, — я встряхнул парня за плечи и посмотрел тому в глаза. Эх, пустое — там даже и тени эмоций не появилось, только бесконечная тоска и ужас вперемешку. — Тьфу.

В свете кошмарной луны было видно, что мы оказались на просторном пляже, вплотную подходившим к высоченным отвесным скалам, и конца этой природной стене не было видно. Плохо нам будет, если не сможем найти подъём наверх, тут ни жрецов похитителей душ, ни таинственных сердцеенок не понадобится — сами с голода и от жажды умрём.

Из всех спасшихся только небольшая группка людей суетилась, о чём-то жарко, но очень тихо спорила между собой. Прочие или сидели, обхватив руками колени, уставившись в скалы или на воду, или лежали, со стороны похожие на мертвецов. Спаслось народу много, десятков семь точно. Правда, если вспомнить, что один лишь экипаж насчитывал почти сотню человек да поселенцев триста с лишним, то общий итог так бьёт под дых, как лошадь лягнула.

— Мистер Лойд, если мы тут останемся, то сами благополучно умрём. Никаких демонов не нужно будет. Посмотрите — вокруг одни ровные скалы высотой с мачту корабля. И пляж ровный, как плац перед казармой. Видно же, что ни ручейка с пресной водой нет, ни крабов под камнями не найдём.

— А ты хочешь, Эльза, сама вручить душу демонам? Лучше мы тут погибнем от жажды, чем погубим свои души в руках колдунов.

— А кто сказал, что они и так не попадут к ним, если мы умрём? Возьмёт ли Бог наши души в свои длани, если мы тут смиримся с гибелью, не окажется так, что это сродни самоубийству, а, Генри?

Когда я подошёл ближе к заинтересовавшей меня компании, то увидел, что там яростно спорили двое: тот самый рыжий здоровяк, которого я увидел первым на берегу, и булочница Эльза Макрел — худощавая сорокалетняя женщина высокого роста, с лошадиным некрасивым лицом. Всегда тихая, вечно страдающая от мужа-пропойцы и стесняющаяся сказать лишнее слово на поселковых собраниях или праздниках, тут она разошлась вовсю, сыпля доводами и примерами. Рядом с этой парочкой стояли ещё трое — кузнец Уильям Блан, пятидесятилетний мужчина с побитым оспой лицом, Динара Шарпан — молодая симпатичная женщина, чуть-чуть старше меня, с восточными чертами, лучшая швея и рукодельница в посёлке, и Оран Шдамит, ровесник Динары и сын владельца лесопилки и двух мельниц в покинутом посёлке. Эта троица молчала, но было заметно, что поддерживает Эльзу.

— Марк, тебе чего? — хмуро посмотрел на меня рыжий.

Я пожал плечами, потом кивнул головой на пляж:

— Что дальше, мистер Лойд?

Прежде чем мужчина открыл рот, мне ответила булочница:

— Всё будет хорошо, Марк. Не надо бояться слухов про это место. Никто из знакомых никогда здесь не был и не слышал рассказы очевидцев, поэтому я считаю, что многое преувеличено. Утром мы приступим к поискам подъёма.

— Я могу в этом помочь, миссис Макрел. Неплохо лазать могу, и если увижу подходящее место для подъёма, то сообщу. Даже если оно вам покажется непреодолимым, я смогу подняться, — предложил я свои услуги. Испугался, что сейчас меня отправят подальше от взрослых разговоров, а мне бы очень хотелось держать руку на пульсе событий. Да и находиться рядом с людьми, которые готовы действовать — это лучше, чем оказаться среди грядок с овощами, с теми, кто опустил руки лишь от одного взгляда на красную луну.

— По этим скалам сам чёрт не поднимется, — буркнул рыжий. — Ступай, Марк, к раненым или походи по пляжу, посмотри, может, какие вещи выбросило волнами.

— Это ещё успеется, — отмахнулась от него Эльза, чем вызвала оторопь на лице мужчины. — Марк, ты же видишь эту скалу, она ровная и высокая. Уверен, что поднимешься?

— Ну, может, и не прямо здесь, но смогу. Нужно дождаться дня, тогда будет лучше видно.

— И где же ты так наловчился карабкаться по скалам? У нас вроде бы гор не было у посёлка, — поинтересовался Лойд.

— Так по деревьям, мистер Лойд, — как можно беззаботнее ответил я. — Я же охотник, вот и смотрел сверху, примечал добычу, тут же и гнёзда под рукой — вороны там, совы дневные, которые домашнюю птицу таскают, вот я их и разорял. А деревья-то у нас какие высокие! Вы же помните, мистер Лойд?

— Гнёзда, добыча, — сердито сплюнул на песок рыжик. — За девками, небось, подсматривал, когда те на речке купались. Как раз там есть парочка высоких, с которых женский заливчик виден был.

Я старательно напряг лицо, чтобы кровь прилила к щекам, мол, поймали вы меня, узнали секрет. Надеюсь, после такого «смущения» больше ненужных и каверзных вопросов не будет. Хотя могли и не рассмотреть при тусклом ночном освещении.

— Да не красней ты так, мальчик, с кем не бывает! Лучше скажи, что нужно для подъёма? — чуть улыбнулась булочница (хм, заметила глазастая, не зря старался, выходит).

— Что-то твёрдое, ножи или кинжалы, чтобы в щели забить и упор под руки и ноги сделать. Верёвку бы ещё.

— С верёвками у нас беда, — развёл руками кузнец, — а железок найдём, видел я у некоторых и ножи, и кинжалы.

— Хм, прям так уверен в себе, Марк? — почесал бороду Генри, потом задумчиво добавил: — Две шлюпки у нас уцелело, а там есть лючки с разным инструментом, может, и верёвки найдутся.

Наступило утро, и потерпевшие кораблекрушение стали оживать. Ну, а как же? Страшная луна исчезла, голубое небо и яркое тёплое солнце ничем не отличались от тех, под которыми родились все эти люди. Разве что здесь заметно теплее было, чем в родной долине. Плюс усилившийся голод и особенно жажда заставляли упаднические мысли понемногу уходить из головы.

НЗ в шлюпках было скудным. Дюжина четырёхгранных кованых гвоздей, кусок смолы в керамическом горшке, жгут пакли, долото на деревянной ручке, небольшой топорик, деревянная киянка на короткой рукоятке и пятнадцать метров тонкого просмоленного каната. Был ещё в каждой шлюпке небольшой бочонок питьевой воды — ровно десять

литров, вполне свежей и чистой.

— Вот тебе и клинья под упоры ног и рук, — протянул мне кузнец пучок пятнадцатисантиметровых гвоздей, — хорошие гвозди, мастер ковал, бери и не бойся. Уж точно лучше ножей, которые ты хотел забрать у народа. Там одно барахло или тесаки в руку величиной из мягкого железа, которое подросток согнёт и не вспотеет.

Я с сомнением взвесил в руке один из гвоздей. Да-а, не скальные крючья. Чёрт, как такими пользоваться-то? По качеству металла больше подходят к «мягким» и без проушин... тьфу, какие проушины, если у меня и троса подходящего нет?

— Попробую, ладно, — вздохнул я. — Нужно будет ещё по пляжу пройтись, место подыскать удобное.

Кузнец задумчиво посмотрел влево, потом вправо и с сомнением произнёс:

— А по мне, так тут везде одна и та же круча. Впрочем, как знаешь.

В этот момент к нам подошла Эльза, которая до этого о чём-то ожесточённо спорила с рыжим.

— Вот индюк пёстрый, совсем не хочет слушать советов, — со злостью выдала она. — Воду разделить между детьми и мужчинами — женщины обойдутся! Мол, если случится нападение, то лучше пусть бабы без сил лежат, а мужики их защитят. Да какое тут может быть нападение?! Вот вы мне скажите, а?

Я и кузнец синхронно пожали плечами. Про себя же подумал, что булочница, прямо совсем перестала на себя походить — вон, даже спорить решила с Лойдом, не боится, что запросто леща от рыжего отхватит. А тут с этим просто. Женщин за людей толком и не считают, вся грязная и тяжёлая работа по дому на них: уборка, готовка, растопка печей, кормление скотины, выгаскивание мусора и помоев и многое другое. Мужчины занимаются охотой, рубкой леса, расчисткой полей и защитой поселения. Дети приучаются к работе по хозяйству с младых ногтей: ещё толком говорить не может, только-только ходить научился, а уже с длинной хворостиной гонит стайку уток на пруд, кур с грядок, щиплет сорняк, а то и лошадь с бороной подстегивает.

По моим примерным прикидкам, попал я в век пятнадцатый-шестнадцатый, если судить по оружию и бесхитростной простой одежде. И мир немного похож на Землю, только вот со странами путаница. Англии, Франции, Испании с Голландией, которые владычествовали в это время на Земле, нет. Вместо них Курпания и Тартария, Ромния и Фракия. Моей родиной является Ксалиния. Эти пять государств лидируют на втором по величине материке в мире. Зато здесь есть Индия и Япония — два крупнейших лидера, разместившихся на другом материке и постоянно расширяющихся за счёт мелких полуварварских стран. Вероисповедание — христианство, буддизм и индуизм с существенными отличиями в сравнении с Землёй. Плюс множество мелких культов, в некоторых имеется обязательное жертвоприношение, но почти всегда это были животные и растения. Вроде как подношения в церквях на Земле, только там не пасторы да попы себе забирали эти подарки. А бросалось всё почти всегда в храмовые жаровники и печи, чтобы с дымом унести вверх молитву. Заодно и смотрели: подземному богу отдарились и он принял молитву, если дым пошёл по земле, стелется, и наоборот — мольба услышана небесными небожителями, раз дым поднялся вверх.

— Молчите? — отвлекла от мыслей Эльза. — Ладно, с этим мы ещё разберёмся. Что с подъёмом наверх?

— Я собрался уже идти искать подъём. Жаль, что канатов мало, с ними бы народ наверх

проще было бы поднять, — отозвался я.

— Самое главное сейчас — это найти воду, Марк, — посмотрела мне в глаза Эльза. — Чистую пресную воду, иначе завтра у нас половина уже не сможет двигаться, а послезавтра начнут умирать.

— Я сделаю всё от меня возможное, — заверил я женщину. — Только мне помощники нужны. Когда поднимусь наверх, то один я буду уязвим для нападения. Необязательно это будут дикари и чудовища из слухов, хватит и обычных хищников.

— Будут тебе помощники, только подожди двадцать минут, — сказала Эльза и ушла обратно к Лойду.

— Я с тобой пойду, Марк, — не попросил, а констатировал факт кузнец. — Тут для меня работы нет, а умирать от жажды, смотреть, как плачут дети — этого я не хочу. Ты только помоги подняться наверх, а там я вот с этим хоть ото льва отобьюсь, — мужчина потряс небольшим топориком, который в его лапище смотрелся игрушечным.

Я только хмыкнул в ответ.

Эльза вернулась через обещанный срок, вместе с ней пришли двенадцать человек: семь мужчин и пять женщин. Все мужчины не старше тридцати пяти лет, причем пятерым не было и двадцати пяти, и лишь парочка перешагнула тридцатилетний рубеж. Женщины и вовсе по меркам Земли считались девушками — девятнадцать, двадцать, двадцать два года.

— Они пойдут с тобой, помогут, — заявила булочница, чем вызвала у меня кратковременный ступор.

— Да мне трёх человек за глаза хватило бы, — возмутился я, когда прошло ошеломление. — Миссис Макрел, вы не понимаете, наверное, что мне придётся их поднять наверх, когда заберусь? Уже троицу поднять будет подвигом, а полтора десятка?!

— Поднимешь первого — он станет тебе помогать, потом второй, третий и так далее, — спокойно выслушала меня и затем привела свои доводы женщина. — Чем больше людей, тем лучше.

— Чем?

— Всем. Осмотрите большую территорию. Отобьётесь от хищников, или даже те просто не рискнут напасть на такую толпу. Если найдёте воду, то больше принесёте, то же самое и с фруктами и прочей едой.

— Было бы ещё в чём всё это нести, — пробурчал я.

— Придумаете на месте. Да даже если и не принесёте, то эти люди уже не будут страдать от жажды, и наша вода достанется кому-то другому, более нуждающемуся в ней.

— Ладно, уговорили, — махнул я рукой, — пусть будет по-вашему.

— Хм, вот ещё, я буду тебя уговаривать. Считай, что это воинский приказ, а ты рекрут, — надменно сказала булочница, та женщина, которая в моей памяти вечно была серой незаметной мышкой с частыми следами побоев на лице от кулаков мужа. — Возьми вот это, пригодится, когда поднимешься наверх. Он уже заряжен, останется взвести замок и подсыпать пороха. Без него постарайся не подниматься, а то мало ли кто там наверху будет тебя ждать.

И она протянула мне громоздкий тяжёлый пистолет с колесцовым механизмом, ещё самой первой конструкции, которую необходимо взводить специальным ключом. Отдав оружие, она резко развернулась на месте — только юбки зашелестели, и ушла к людям.

— Дьявол в неё вселился, не иначе, — негромко, чтобы Эльза не услышала, произнёс один из «перестарков». — Водой её нужно проверить. Или раздеть и посмотреть

сатанинские пятна.

Здесь, как и на Земле, тоже иногда проводилась охота на ведьм — невест Сатаны. И способы были сродни земным: связать крестообразно и бросить в воду, после чего посчитать женщину невиновной, если та не выплывет, мол, ведьму грехи держат на воде; раздеть и рассмотреть родимые пятна, взять толстую иглу и проткнуть их, и если кровь не пойдёт, то женщина — ведьма.

— Уймись, Хендрик, — посоветовал мужчине парень моложе того лет на десять, но при этом почти на голову выше и намного шире в плечах. Парня звали Аланом, и был он подмастерьем кузнеца. А кроме здоровенных кулаков, сейчас имел при себе фитильный тромблон — короткий мушкет с раструбом на конце. Широкая горловина была сделана для удобства зарядания пороховой мякотью, что было сущей пыткой для стрелка, пока не придумали совсем недавно зернование пороха.

— Сопляк! Да что ты себе позволяешь? — зашипел мужик и сделал шаг вперёд.

— Тихо, Хендрик, тихо, — встал на его пути кузнец, — не дело сейчас свары учинять. Береги силы для подъёма.

При этом почти все в нашей компании машинально посмотрели на крутые природные стены, по самому верхнему краю слегка покрытые растительностью. Метров сто точно будет. С нормальной экипировкой — плёвое дело подняться, но как это сделать с парой грубокованных ножей, гвоздями из кузницы и мотком каната, который хоть и тонкий, но по гибкости больше похож на палку?

— Поорали? — спросил я. — А теперь за мной. Кому как, а лично мне хочется поскорее обратиться с этого мертвого пляжа, где даже моллюсков и крабов не видать.

Место для подъёма мы отыскали лишь после полу-дня, когда чуть живые от палящего солнца и с распухшими языками от жажды прошли от лагеря километров по десять в обе стороны.

— Тут, — прошептал я, — буду пробовать, только отдохну сначала. Уильем, поддержи пистолет.

Вручив мужчине оружие, я махом разделся до костюма «от Адама» (и плевать на стеснение — в моём состоянии не до скромности, да и прочие даже глазом не повели) и, пробежав десяток шагов по пляжу, плюхнулся в воду. Плаваю я плохо, очень, поэтому заплывы устраивать не стал, просто охладил тело после изнуряющего похода вдоль скал. Стало чуть легче, даже жажда перестала сильно мучить. Но это обманчивое чувство долго не продержится, так что нужно торопиться.

— Вам что-нибудь с юбками придумать надо, — перед тем как начать подъём, я обратился к слабой половине нашего отряда. — В этом даже не думайте забираться — запутаетесь, ветром на голову наденет, зацепитесь за уступ и так далее. После этого останется только соскребать вас с камней внизу.

— Разберёмся, — улыбнулась мне Мила, первая красавица посёлка. — Я ещё не вижу тут лестницы или, на крайний случай, верёвки с узелками.

Я только покачал головою в ответ. Нет уж, хрен вам, а не подъём в ваших колоколах из дерюги, сейчас шепну парням на ушко необходимые инструкции.

Как ожидал, так и вышло: из гвоздей крючья вы-шли от слова «никак», только увешался зря этой тяжестью, а ведь ещё топорик при себе, пистолет, бухта каната, нож. Вместе веса столько, что по стене карабкаюсь, пыхтя как паровоз и отплёвываясь от пота по-верблюжьи. И не сбросишь вниз — прибьёт ещё кого, хотя и предупреждал не стоять подо мной, но ведь

дураки никогда не переведутся, и в тот момент, когда скину гвозди, кто-нибудь из них окажется на пути летящих снарядов. Если бы не несколько расселин в стене, где можно было, хоть и с трудом, втиснуться и дать отдых телу, до верха не добрался бы. Ещё и тело досталось неподготовленное совсем. Сильное и гибкое благодаря молодости и занятиям на чистом воздухе вкупе со здоровым питанием, но не имеющее характерных способностей, отработанных на скалодроме дома, на Земле то есть.

— Уф, чёрт, вот бы всё это оказалось сном, — вслух произнёс я, исступленно мечтая оказаться дома, в своей квартире. — Иэх... ещё немного, ещё чуть-чуть...

Последние два метра были самыми лёгкими благодаря удобным и прочным побегам какого-то большого кустарника, густо разросшегося вдоль скальной кромки. Перед тем как выглянуть через край, я достал пистолет, взвёл ключом замок и досыпал пороха на затравочное отверстие. Конструкция — аховая! Чуть позже должны придумать крышечку, защищавшую порох у запальника от высыпания и сырости и откидывающуюся при взведении курка. Пороха просыпал много, хватило бы раза три снарядить пистолет, но что было поделать, когда руки трясутся, словно у столетнего старика.

Зелень и побеги надёжно скрыли мою голову, когда я приподнялся над обрывом и начал осматриваться. Вокруг всюю голосили лесные птахи, гудели насекомые, впереди что-то пощелкивало, скрипело, свистело и стучало.

«Джунгли самые настоящие!» — мысленно присвистнул я, когда увидел лес. Высоченная стена зелени, вот во что уткнулся мой взгляд. От обрыва до первых деревьев, обвитых лианами и странными сине-зелёными мелкими кустами с воздушными корнями, было метров тридцать. Это расстояние было покрыто жидкими пучками травы, стелющимся местами кустарником, словно тут солью и ядрёными гербицидами всё обработали, и только у обрыва вновь зелень победила, вцепившись в камень длинными, прочными и гибкими побегами, немного похожими на виноградные лозы и одеревенелые лианы.

К счастью, никто не собирался откусывать мне голову, не бегали красотки с длиннющими когтями и с криками «сердце-э-э, сердце-э-э, сердце-э-э!», не пели гимны и молитвы жрецы-некроманты, облизываясь на запах моей души.

Я отошёл от края на три шага и со стоном наслаждения сначала скинул на камни канат с топором и гвоздями, а затем растянулся сам. Только пистолет не выпустил из рук и голову повернул в сторону зарослей. Вымотался жутко, до тошноты. До зелёных пятен перед глазами и периодического головокружения.

Так бы и лежал, наслаждаясь приятным ветерком, ласкающим тело под пропотевшей рубахой. Да только внизу меня ждёт компания, которую нужно поднять сюда. Чувствую, это будет то ещё занятие, проще станет самому десять раз подняться, чем затащить столько же человек на обрыв. Да и людей там больше десятка.

— Эй, сейчас канат сброшу. Может до земли не хватить, но ничего сделать не могу, — во всю мощь лёгких прокричал я, улёгшись грудью на край скалы. — Алан, ты первый!

Один конец каната привязал к огромному валуну, обхватом в два меня, потом нарубил топориком побегов-лиан и привязал ко второму хвосту, после чего сбросил вниз. Надеюсь, этого хватит до земли и «живая» верёвка выдержит вес моих спутников.

Подмастерье поднялся только через двадцать минут, следующий потратил столько же времени, третий забирался дольше — полчаса, и это оказался Хендрик. Чёрт, такими темпами мы тут провозимся несколько часов! Поднимать, тягая канат, как я опасался первоначально, никого не пришлось. Все достаточно сноровисто ползли вверх

самостоятельно, вот только делали это долго. Последними забрались девушки, и когда их увидел Хендрик со своим товарищем, то у них дар речи пропал. После чего первые же их слова были:

— Позор! Происки дьявола! Бесноватые!

Каждая девушка порезала одну из своих юбок (носили сразу несколько штук, уж не знаю, с чем это было связано — с модой или нормами гигиены) и сделали из неё что-то нечто маваша, особая набедренная повязка для сумоистов. Практически, по местным меркам, девчонки были голыми, причём голыми с той стороны, что наиболее позорно. А ведь этой пятёрке красоток, (ух, а ножки у всех — одно загляденье, хоть прямо на подиум выпускай!) как-то фиолетово на такое беспрецедентное нарушение моральных устоев. И это очень и очень интересно. Стоит задуматься и обязательно переговорить с кем-то из них. Всё-таки сразу пять молодых девушек переступили через устои, которые в них двадцать лет вбивались, порой в буквальном смысле — розгами, верёвками и кулаками. Может быть, в них и в самом деле бесы вселились? Или кто-то другой, вроде личности, что сейчас сидит в теле Марка? Было бы неплохо, если рядом окажется мои земляки, пусть и женского пола.

— Скоро стемнеет, нужно искать место для ночлега, — произнес Уильем Блан, неслышно подошедший ко мне и отвлёкший от мыслей о девушках.

— Солнце ещё высоко, — посмотрел я на светило.

— Здесь быстро темнеет. Вчера, наверное, ты не обратил внимания, но темнота наступила мгновенно, даже сумерек нормальных не случилось.

— Нам нужна вода, мистер Блан, — вздохнул я. — Уже сейчас мы ослабели так, что подъём растянулся на долгие часы, завтра половина из нашего отряда не сможет подняться.

Кузнец машинально облизал тёмные потрескавшиеся губы, потом кивнул:

— Тут я с тобой согласен — вода нужна. Но посмотри на эти заросли — это не наш родной лес, где даже в ельнике более просторно. Мы здесь заблудимся, если застигнет темнота.

— Можно сделать факелы и вручить по паре каждой поисковой группе. Эльза нам дала один горшок со смолой и пук пакли, останется наломать веток, намотать на них паклю, намазать смолы и потом поджечь. И здесь запалить костёр, чтобы его было видно издалека, — предложил Алан, подошедший следом за кузнецом и услышавший весь разговор от начала.

— Опасно, мало ли кто приползёт на огонёк.

— Опасно, — согласился с Бланом парень, — но больше нам ничего не остаётся. Он будет маяком для поисковых групп, когда они станут возвращаться назад. Я с Марком согласен в том, что уже скоро от обезвоживания мы начнём падать с ног.

Слово «обезвоживание» резануло слух своей не-уместностью. Слишком контрастно оно было, не ожидал услышать такое, от молодого сельского подмастерья. Всё страньше и страньше, как говорила одна девочка, отведавшая неправильного пирожка.

Глава 2

Наша группа разделилась на четыре отряда: один, состоящий из двух девушек, остался у места подъёма, самая старшая из слабой половины отправилась с тремя ребятами, Блан, Хендрик со своим другом и ещё один из молодых парней составили вторую группу. Я с Аланом, Милой и самой молодой девчонкой вошли в состав третьей. В каждом отряде было по стволу — мой пистолет, тромблон у Блана и последний фитильник у паренька, промышлявшего, как и я, в родном посёлке охотой.

Как только углубились в заросли на десяток метров, так сразу чуть не потерялись. Зелень закрывала видимость уже на расстоянии вытянутой руки.

— Чёрт, ну и джунгли. Небошь, тут и маугли местные обитают, — как громом прозвучала фраза Алана, шедшего в двух шагах позади.

— Что?!

Я резко повернулся и посмотрел на спутника, в ответ тот на мой невысказанный вопрос весело подмигнул и продолжил шокировать.

— Что-то знакомое услышал? А если так: Кремль, водка... — тут он замолчал и уже в свою очередь стал сверлить меня внимательным взглядом.

— Балалайка и медведь, — медленно протянул я. — Ты кто, Алан?

— Андрей я, Быков Андрей Юрьевич из Н-ска.

— Максим Григорьевич Абрамов, оттуда же.

— А я Маша, — представилась Мила.

— Катя Чугунова. Ваша землячка, студентка из медицинского, что на Сурикова расположен.

— А?.. — открыл я рот с вопросом, но Алан даже не дал произнести одно слово.

— Все остальные, кроме Хендрика и его кореша, наши, с Земли. В лагере Эльза, с ней ещё двое наших. Остальные местные.

— Как это случилось, что мы поменяли тела?

— А никто не знает, — развёл Алан-Андрей руками. — Просто — щёлк, — он щёлкнул пальцами, — и мы уже здесь, в этих телах, на корабле посреди штормового океана. Причём уже рядом с этим материком перенос случился.

— Да в этом новом НИИ всё дело, — со злостью произнесла Маша. — Недаром его перенесли так далеко от Москвы, в наши края. И никого из местных там нет — москали одни.

— Может, и в НИИ, а может, и в метеоритном потоке. В ночь, когда нас сюда перенесло, Земля проходила сквозь такой поток, и именно над нами самая плотная часть была, — добавила свои пять копеек Катя.

— В интернете прочитала? — приподнял одну бровь Андрей.

— Я профессионально занимаюсь астрономией, выезжала в Берлин на встречу с астрономами со всего мира.

— А определить, как в джунглях найти воду, сумеешь? Зажечь костёр из этой гнилой трухи без огнива? — Маша ткнула кончиком неказистой туфельки без каблука в гору веток и лиан, уже начавших гнить.

— Нет, — поджала губки Катя и с вызовом посмотрела на оппонентку.

— Значит, бесполезна ты со своими звёздами и метеоритными полями.

— А сама что умеешь? Я хотя бы в медицине разбираюсь немного, а ты...

— Так, девочки, не ссорьтесь, брек, — встал между спорщицами Андрей. — Нашли место и время.

— Вода здесь точно есть, — не обращая внимания на стычку женской половины отряда (нервы у всех и так на взводе, удивительно, как держались до этого и не сорвались), сказал я. — Такие джунгли без пресной воды не вырастут.

— Может, дожди? — предположил Андрей. — Идут часто, сильные, и растениям этого хватает?

— Если и так, то мы наткнёмся на природные бассейны — вся влага от таких дождей быстро впитаться не сможет.

— Я читала, что в некоторых деревьях в тропиках есть специальные пустоты, где они накапливают воду на случай засухи. Может, нам такие попадутся? — спросила Катя и тут же получила язвительный ответ от Маши.

— А ещё хлебное и колбасное деревья, пирожковый кустарник и пироженные клубни, — произнесла та.

Андрей закатил глаза под лоб. Я пожал плечами, мол, терпи, это надолго, две красивых девчонки оказались вместе в компании brutальных парней, от которых зависит жизнь, стол и дальнейшее существование. Не поцапаться в такой ситуации они не смогут. Да и ситуация та ещё, удивительно, что не бьются в истерике.

— Идём и обстукиваем каждое подозрительное дерево, — предложил Андрей. — Я тоже о чём-то подобном слышал, только это про бамбуковый лес говорилось.

— Стучим аккуратно, а то змею какую-нибудь на голову уроним или паука ядовитого, — предупредил я. — И вообще, будьте осторожны. Не зря про эти места ходят страшные слухи.

— На Земле этих слухов — вагон и маленькая тележка, — отмахнулась Маша. — И все неправда или страхи преувеличенные.

— А ты много встречала у себя дома людей с другой планеты в чужих телах? — вставила шпильку Катя.

— Тьфу, — с досадой плюнул Андрей себе под ноги.

— Ты чего? — чуть не в один голос спросили обе девушки.

— Да достали вы обе до печёнок, вот чего. Тут стемнеет скоро, пить хочется и есть так, что голова кружится, а вы своими дрызгами заняты, вместо общего дела.

— Это всё она!

— Она первая, я тут ни при чём!

Как ни удивительно, воду нашла первой Катерина и именно тем способом, который озвучила. В округе было полно лиан всевозможных видов — тонких, толстых, мягких, как резина, и твёрдых, что виноградная лоза. За одну из таких девушка ухватилась обеими руками, когда споткнулась, зацепившись длинным подолом за гниющую корягу на земле.

— Ой! — вскрикнула она. Секундой позже что-то зашуршало по листве, а затем на девушку обрушился дождь. — Вода! Мальчики, здесь вода!

Катя подставила ладони ковшиком, стараясь не пропустить ни капли драгоценной влаги. Поток воды закончился очень быстро, но хватило, чтобы девушка в свои ладоши набрала полстакана примерно. И тут же приникла губами, сделав несколько глотков, пока влага не просочилась сквозь пальцы.

— Стой! Не пей! — я закричал в полный голос.

— Почему? — недоумённо ответила девушка. — Это же вода. Я такой вкусной ещё

никогда не пила. И холодная, удивительно, да?

— Да потому, что там микробы могут быть, личинки паразитов, которые тебя заживо изнутри съедят. Да даже сок ядовитой лианы.

Катя так сильно побледнела, что я испугался, что она сейчас в обморок упадёт.

— Тихо, тихо, — я подскочил к ней и аккуратно помог сесть на корягу, из-за которой всё и произошло, — я думаю, что всё обойдётся. Только больше не делай так, договорились?

— Договорились, — слабо кивнула мне в ответ Катя.

— Хм, а похоже, что это вода. Обычная чистая вода, — произнёс Андрей. Пока я обхаживал девушку, он поднял обрывок толстой лианы, оборванной Катькой. Из пустотелого тела вылилась прозрачная жидкость. Набрав немного на ладонь, спутник сначала понюхал, потом несколько раз коснулся кончиком языка, аккуратно сделал маленький глоток, почмокал, покатал жидкость во рту и проглотил. — Извини, не удержался. Пить хочется — сил нет терпеть.

Лиана была гибкой, с тонкими и очень прочными стенками и пустотелая. Одним концом она уходила в землю, второй терялся где-то вверху, в сплетении ветвей. Чуть толще обычного поливочного шланга и достаточно прочная, если не стараться специально её разорвать. Внутри себя это растение хранило воду, то ли фильтруя её из почвы и передавая вверх, к воздушным корням, то ли собирало в кроне, а затем передавала прямо к корню в земле, мимо жадных соседей. Вода внутри лианы была прозрачная, как роса, и вкусная-вкусная.

Мысль сначала прокипятить найденную воду я быстро отогнал: не в чем, долго и жажда уже почти свела с ума.

На наше счастье поблизости водосборных лиан нашлось много, так что всем хватило утолить жажду. Напившись и повеселев, мы стали думать, как и куда набрать воду, чтобы отнести товарищам. Сделали так: перегибали толстый стебель, главное, чтобы при этом он не лопнул, аккуратно обрезали лиану у самой земли и очень быстро внутрь вставляли чопик, вырезанный из ближайшей ветки. Потом одна из девчонок — они самые ловкие и лёгкие среди нас, лезла наверх и проделывала такую же операцию там. В итоге до темноты мы приготовили восемь природных фляг, свёрнутые в аккуратные кольца, как обычная верёвка. В каждой «фляге» было воды на литр с небольшим.

Уже когда почти закончили распределять ношу и собрались возвращаться, вдалеке негромко хлопнул выстрел. Перепутать звук тромблona с чем-то другим я не мог.

Стрелял кто-то из наших.

— Что это? — насторожился Андрей и вытащил из петли на поясе топорик. — Наши стреляли?

— Скорее всего, — подтвердил я. — Вряд ли у кого-то поблизости окажется такое же оружие.

— На них напали? — с испугом спросила Катя. — Мальчики, мне страшно.

— Пошли назад, — приказал я. — Воду с собой берём. Не такая большая тяжесть, а выстрел мог быть и случайным или по тени какой от испуга — все на взводе.

Обратно дошли быстрее и почти не плутали, но факелы зажечь пришлось. Пока шли, старались увидеть огонёк костра впереди, который должен был играть роль маяка для поисковых групп. Но тщетно. Хорошо, что после нас осталась широкая тропа из примятой травы, обломанных ветвей и срубленного кустарника с лианами, по которой мы вышли к обрыву.

Обе «костровые» сидели в кустах у самого края обрыва, держа в руках ножи, которые им были оставлены для защиты и заготовки дров на костёр. Увидев нас, они с радостным визгом выскочили из своих укрытий и повисли на моей и Андрея шее.

— Вы вернулись! Как здорово! А там стреляли! И кто-то страшно кричал совсем рядом! — одновременно заговорили они, вываливая на нас словесную реку.

— Костер где? Почему не горит? — отстранил Андрей девчонку, которая не желала ни в какую отцепляться от парня, ну чисто репей. — Вам же было сказано...

— А это всё она, — та обвиняюще ткнула пальцем в свою подругу, — не захотела набирать дров, а мои все сгорели. А потом там кричать начали, а вон там стреляли.

— Кто кричал? — поинтересовался я у своего «репейника».

— Зверь какой-то. Страшно так: у-ы-р-р, у-ы-р-р! — попыталась она изобразить что-то, при этом держась за меня обеими руками и не собираясь отпустить.

В общем, зря мы оставили чисто женский коллектив. Мало того что девчонки тряслись от каждого шороха и скрипа, так ещё и объявили немедленно друг другу тихую войну. Одна боялась отойти далеко от спуска на пляж, второй стало обидно, что дрова её напарница не собирает. В сырых джунглях отыскать хорошее топливо было непросто, так что дров набралось крайне мало. Так ещё и подождли они костер до темноты, и он успел благополучно прогореть, потому-то мы и не увидели сигнала.

— Нужно хотя бы факелы поджечь, чтобы наши видели, куда идти, — предложил Андрей. — Двух должно хватить.

Так и сделали. Горящие факелы воткнули в трещины в больших камнях, чтобы огонь был виден издали. Потом занялись сбором топлива. Все четыре девушки как привязанные ходили за мною и Андреем. Набрали хорошую кучу, успели разжечь костёр с помощью огнива, а наших товарищей всё не было.

— Может, выстрелить, сигнал им подать? — предложил Андрей.

— Огня должно хватить, — отрицательно качнул я головою. — Когда костёр разгорится, тут на километры его видно будет. Линия обрыва почти ровная, большого изгиба нет и зарослей тоже, так что увидят они нашу стоянку, по-любому увидят. Пусть только выйдут, главное, из джунглей.

Стрелять я не хотел. Для начала лишний шум нам был противопоказан, дальше, перезарядка пистолета столь муторное дело, да ещё в темноте, что мне этого делать совсем не хочется, и последнее, самое важное, пороха у меня осталось на два выстрела. Плюс в стволе имеется пуля, а свинца у нас немного, чуть больше, чем пороха, не намного. Выстрели я сейчас в воздух, потрачу её без толку.

Первыми появились Хендрик с Бланом и их компания. Сначала вдалеке мелькнула звёздочка факела, потом вторая, а через полчаса раздались тяжёлые шаги неподалёку от нашего лагеря. Благоразумно мы встречали товарищей в темноте, оставив костёр как приманку.

Четверо мужчин подошли к костру, один из них скинул на камни бесформенный крупный предмет с подушку размером, потоптались рядом и принялись недоумённо вертеть головой по сторонам.

— Да наш это костёр, наш, вон конец каната торчит у камня, здесь мы поднимались, — громко ответил Блан Хендрику на тихий вопрос того. — Эй, хватит уже прятаться, это мы!

— А почему вы такие грязные? И что за штуку вы принесли с собой? — поинтересовался Андрей, входя в круг света от костра, и тут же сморщился. — Это чем тут

так воняет?!

Девушки одна за другой прыснули подальше от мужчин, зажимая носики и обмахиваясь ладошками.

— Фу!

Хендрик с нескрываемой злостью покосился на невозмутимого Блана.

— Всё из-за этого стрелка, — последнее слово он произнёс с отвращением, как страшное ругательство. — Убил собаку, которая по деревьям бегала, а её товарки из стаи забросали нас своим помётом.

— Сам ты собака. Обезьяны это были.

— С клыками в палец длиною?!

— И такие бывают. Я про обезьян в одной книжке, э-э, картинки видел, там они почти такие же, только шерсть короткая и зубы мельче, — заявил Блан. — А так один в один. Зато теперь будет что перекусить.

— Вы сначала отмойтесь, — произнёс Андрей, — а то кусок в горло не полезет при таком амбре. Вы воду нашли? Это важнее, чем охота на обезьян-собак.

— Родник там имеется, — махнул рукой в сторону, откуда пришла их четвёрка, Хендрик, — только маленький совсем. Напиться можно, но и только. Даже вымыться не получится, — и опять зло зыркнул на кузнеца. — Мы бы набрали воды, да не во что. Вон пусть он вас проводит.

— Мы и сами с водой. Даже смогли набрать, — с барской снисходительностью произнёс Андрей. — Если пить не хотите, то часть можно отнести в лагерь.

Хендрик с опаской покосился на витки толстых лиан неподалёку от себя:

— Пить можно? Не отравимся?

— Мы пили, — пожал его собеседник плечами. — Как видишь, все живы и здоровы.

— А Марк где? Что-то я его не вижу?

— Да тут я, — я шагнул вперёд, одновременно с этим убирая пистолет в провощенную материю, подальше от сырости. — Вы остальных не видели?

— Нет, — дружно ответили Блан и Хендрик. — Так они ещё не вернулись?

— Не вернулись, — ответил Андрей и помрачнел.

Блан ухватил два факела и отошёл в сторону вместе со своей добычей — что-то обезьяноподобное, покрытое густой шерстью, чем напоминало чау-чау, вот только клыков таких даже у волкодавов не бывает, да и строение конечностей всё же больше обезьянье.

Пока кузнец свеживал будущий шашлык, Хендрик скупно рассказал о похождениях своей группы. В трёх километрах от нашей стоянки имеется низинка, густо заросшая деревьями, в одном месте между камней сочится тонкая струйка воды. Там же на макушках деревьев носятся десятки, если не сотни обезьян. Одну из них, повисшую на ветке в нескольких метрах от людей и оскалившую клыки, Блан сшиб картечью. Вроде бы досталось ещё паре тварей, но не смертельно, и те быстро удрали. В ответ на людей обрушился водопад гнилых фруктов, орехов и помёта. Много времени потратили, пока нашли это место, потом долго пили, потом прятались от обстрела и ждали, пока обезьяны успокоятся и забудут про обидчиков.

— А что за орехи? — заинтересовалась Маша.

— Вот, — Тук, парнишка, который сопровождал Блана, вытащил из кармана пять коричневых неровных комочков, — на каштаны чем-то похожи. Я потому и прихватил несколько на пробу. Мы с ребятами раньше такие пекли в золе — вкусоптица!

— Где ты каштаны ел, парень? — тут же вскинулся приятель Хендрика.

— А вот ел, — с вызовом ответил Тук. — Тебе-то что?

За спиной мужчин Андрей выразительно покрутил пальцем у виска, потом показал молодому задире кулак.

— Нужно что-то делать с нашими товарищами, которые потерялись, — вмешался я, переводя тему разговора. — Предлагаю немного перекусить и с факелами пойти по их следам.

— В такой темноте? Ты рехнулся, Марк? — Покачал головою Хендрик. — Пока светит этот адоз глаз, — он махнул рукой в сторону луны, — я от костра ни ногой.

— Марк правильно говорит. Я тоже предлагаю отправиться на их поиски, — произнёс Блан, подошедший к костру с окровавленной распотрошенной тушкой. — Не дело это бросать детей на растерзание зверям. Они могут бродить по самому краю джунглей, достаточно покричать и посветить факелами.

— Я не пойду, — глухо сказал Хендрик, — не пойду и всё. Я... я в лагерь с водой лучше вернусь.

— И я, — тут же подскочил со своего места его товарищ.

— Как хотите, — скривился Блан. — Мясо хоть будете?

— Вот это?! Да ни за что! — с непритворным ужасом воскликнул Хендрик. — Мерзость это! Звери Сатаны!

— Нам больше, значит, достанется, — широко улыбнулся Андрей. — Жарь, мистер Блан, а мы поможем им спуститься с водой в это время.

Пока Уильем нарезал мясо тонкими полосками и наматывал на очищенные от коры прутья, чтобы потом поставить те на рогульки у костра, я с Андреем и Туком помогали мужчинам спуститься на пляж вместе с водой.

— Они внизу, — сказал Андрей, когда под нами зажглись два факела и стали медленно удаляться. — Надеюсь, воду не разлили.

— Баба с возу — кобыле легче, — усмехнулся Тук, потом протянул мне ладонь и представился: — Толик.

— Макс, — ответил я на крепкое рукопожатие.

— А ты отлично лазаешь по скалам. Без тебя нам тяжело пришлось бы. Альпинизмом занимался на Земле?

— Не, Толь, на скалодроме тренировался. До гор не добрался, так как ленив сильно.

— Там не добрался, зато здесь пришлось.

Мясо было слегка пригоревшее, жёсткое и не солёное, но ничего вкуснее я не ел очень давно! Несколько глотков воды вместо вина или чая, чтобы улучшить пищеварение, и вот я уже готов к новым подвигам. Хотя с огромным удовольствием вместо героических свершений я бы завалился спать в тихом и безопасном месте.

Пропавшую компанию мы так и не нашли. Походили три часа вдоль края зарослей, покричали. Блан дважды выстрелил в воздух половинным зарядом пороха без картечи, экономя свинец.

И ничего.

— Пошли в лагерь, — махнул рукой Блан. — Как рассветет, то ещё раз попробуем их отыскать. На свету и следы увидим, не должно за полсуток затянуть их.

Все так вымотались, что к костру, уже почти зачашшему в наше отсутствие, несмотря на закинутые в него несколько толстых обломков древесных стволов, мы еле-еле дошли. На

половине пути Андрей даже предложил встать лагерем прямо здесь, докуда смогли дойти.

— Там мясо, утром перекусим им. Вдруг придётся много ходить, а съесть будет нечего? Опять возвращаться, трепать ноги по этим камням? — возразил Блан. — Энергии нам много нужно, и неизвестно, когда нам ещё получится нормально поесть.

Наши девчонки попадали на тёплые от огня по соседству камни, едва добрались до бивака. Закутались в свои юбки, тесно прижались друг к дружке, позабыв про разногласия, и отключились в доли секунды. Я бы с радостью последовал их примеру, да только нужно об охране позаботиться.

— Блан, э-э, а как тебя по-настоящему зовут? — спросил я кузнеца, который единственный не представился из нашей компании псевдоместных.

— Петровичем кличь, я ещё там к этому привык.

— Приятно познакомиться. Я Максим...

— Да знаю я, — махнул ладонью собеседник, потом поёрзал на камне, который выбрал вместо стула, и поинтересовался: — Дежурить нужно, ты вытерпишь часа три?

— Придётся. Другого варианта всё равно нет, — пожал я в ответ плечами. — Только как ты время посчитаешь? Тут часов нет ни у кого.

— Не волнуйся. Пожил я порядком, много знаю, ещё больше видел. Вот по этой палочке и ориентируемся, — он ткнул пальцем в большую ошкуренную палку, вбитую в узкую щель крупного валуна. — Вишь, как тень ложится? Если и ошибаюсь, то не сильно, но часа через три это вот тут будет, — и он провёл ногтём невидимую черту на камне рядом.

— Нам астрономичка точно помогла бы, — вздохнул я, рассматривая первобытные лунные часы. — Мир похож на Землю, вроде как и звёзды те же. Здесь только луна отличается, но если её ход, как на Земле, то и время можно высчитать. Она бы, думаю, смогла, если не насвистела про свои слёты астрономов.

— А смысл ей нас обманывать? А время я тебе и без неё рассчитаю... Парни, вы ложитесь и спите, часика через три разбудим, — Петрович прервался в разговоре со мной и обратился к Андрею с Толиком. Которые сидели и клевали носами у разгоравшегося костра, — мы и дровишек подкинем сами, так что, спите... так вот, я успел вчера ночью прикинуть часы и проверить немного. Земля тут или не Земля, но вот эта палка лучше всяческих швейцарских часов время покажет...

Сидели мы с кузнецом чуть в стороне от костра, спиной к огню, чтобы не выдать себя возможному врагу и не засветить зрение. Слушали ночные звуки джунглей — вой, рёв, писк и сотни видов щелчков и стуков. Наши спящие товарищи иногда вздрагивали от излишне громких шумов, но сон не прерывали.

— Максим, ты молодой, знаешь побольше моего про нынешнюю науку, вот скажи, как это могло с нами произойти? Или это всё нам кажется?

— Если кажется, то только одному из всей компании, это его персональный глюк: этот мир, мы с тобой, камни, луна. Разные галлюцинации никогда не совмещаются. Если же всё вокруг нас реальность, то... — я замолчал, поднял голову вверх и несколько секунд смотрел на кровавую луну, нависавшую, казалось, прямо надо мной, — нам нужно только почувствовать. Даже те колонисты, чьи товарищи стали реципиентами наших душ, приготовлены к выживанию больше, чем мы.

— Кто, кто? Ре?..

— Донор наоборот, тот, кто принимает часть другого. От обычных доноров сердце-почки реципиенты берут, а в нашем случае — душу, сознание, память.

— Понятно, — кашлянул в кулак Петрович, потом поправил тромблон рядом со своей ногой, чтобы оружие не свалилось с лязгом на камни при неловком движении. — А обратно нам никак?

— А я знаю? — развел я руками. — Петрович, я похож на человека, который то и дело по времени и другим телам путешествует?

— Извини, Максим, старика, ляпнул — не подумал.

— Да какой ты старик? У меня знакомые ес... были, там, хм, которые в полтинник детей заделывали своим молодым жёнам!

— Это здесь мне пятьдесят один. А дома уже скоро должно было исполниться семьдесят четыре годка.

— Удивительно, но я и сам помолодел здесь! — удивился я.

— И Андрей с Анатолием, и наши спящие красавицы. Эльза там бабкой была, а тут скинула годков поболее моего, — усмехнулся собеседник. — У меня и имя похожее — Уильем Блан, отец Пьер. На Земле Иван Петрович Блинов я.

— Макс и Марк... не знаю, насколько похожи по лингвистическим правилам, но вот в звучании и частью слогов — очень даже. Получается, что нас не просто так распихали по телам, а с некоторыми похожестями?

— Я тебя удивлю ещё больше, Максим. Посмотри на себя, — Петрович протянул мне небольшое зеркальце в деревянной оправе, мутное, с точками отвалившейся амальгамы, но вполне себе рабочее. — У девчонок попросил, пообещал вернуть в целости и сохранности. Аккуратнее с ним, а то меня наши красавицы без соли сожрут, ежели расколешь эту драгоценность.

— Похож. Очень сильно, — сказал я, только бросив один внимательный взгляд на отображение. — Но тогда получается, что это эксперимент чей-то?! Инопланетяне? Люди из будущего? Вселенский разум? Не поверю никогда, что те яйцеголовые из НИИ смогли подобное сделать.

Кузнец только развёл руками.

— Не знаю я, Максим, не знаю. И инопланетяне могли заварить эту кашу, и наши научники методом математического тыка могли напортачить. Скорее даже последнее и есть.

Больше мы не разговаривали, молча сидели, слушали ночную жизнь джунглей, а я ещё и переваривал полученную информацию.

Все переселённые в этот мир в чужие тела помолодели, получили похожие имена, и даже внешность, весьма близкую к своей прежней. То-то я смотрю, что никакого дискомфорта нет — рост такой же, телосложение почти одинаковое, меня не кренит из стороны в сторону, не сбоит зрение.

— Максим, — прошептал едва слышно кузнец и коснулся кончиками пальцев моего колена, — к бою! Там кто-то подкрадывается со стороны зарослей.

Я так задумался, что даже потерял связь с окружающим миром. Хорошо, что не поодиночке дежури́м.

— Не шевелись, а то заметит, — продолжал отдавать команды Петрович. — Видишь его?

Худая и очень горбатая фигура под луной просматривалась на троечку с минусом, если взять школьный табель оценок. Похожа на королевского дога с сильно искривленной спиной, длинной шеей и узкой, как у землеройки, мордой. Уши острые и тонкие, очень длинные, похожие на рожки косули, они постоянно двигались вперёд-назад. А может, и не уши это были, просто иной орган, расположенный на макушке. Хвост тонкий и точно так же, как и

уши, был в постоянном движении. Очень сильно смахивал на обезьяний... хм, товариш пристреленного Петровичем ужина пришёл мстить? Да вроде породой не похож... может, тут самки и самцы сильно отличаются внешним обликом и друг без друга не могут?..

Пока мысли лихорадочно бегали в голове, руки действовали: очень медленно подняли пистолет, навели на фигуру твари.

Рядом раздалось чуть слышимое шипение, запахло жжёной верёвкой. На секунду гость из джунглей замер, повернул в нашу сторону морду.

«Двадцать пять или тридцать метров», — пронеслось в голове у меня, и одновременно с этим я спустил курок. Тренькнуло колёсико, мелькнули несколько тусклых искр и... всё. Тварь одним прыжком развернулась на месте и бросилась наутёк, секундой спустя раздался грохот выстрела из тромблona, следом я услышал удар пули обо что-то твёрдое. Если наш «татарин» не покрыт роговой или костяной бронёй, то Блан попал в камень.

После выстрела началась суматоха: вскочили девчонки, первым делом бросившись к огню костра, потом не найдя нас там, завывали так, что чертям в аду должно было стать дурно, рядом бестолково суетился Андрей с толстой дубиной в руке. Чуть в стороне, на границе освещённого круга, мялся Толик с большим ножом в одной руке и толстой палкой с рогулиной в другой.

— Тьфу, — сплюнул Петрович себе под ноги и пошёл наводить порядок. Потом зарядил оружие (и никак не иначе — обалдевших от такого пробуждения женщин следовало успокоить как можно быстрее, пока не упали с обрыва в темноте, ослепленные костром, или не совершили ещё какую-нибудь трагическую глупость), подозвал меня, и мы пошли искать последствия ночного происшествия.

Ни крови, ни шерсти или ещё каких-либо следов ночного зверя мы не нашли. Зато я отыскал смятую пулю рядом с большим валуном, неподалёку от которого стоял зверь.

— Вот же фигня какая — промазал, — расстроено покачал головой Петрович. — С этими карамультуками только в упор да картечью бить. Эх, где же ты моя, «тулочка» родимая. А у тебя что случилось, Максим?

— Грязь, — одним словом ответил я и поморщился, досадуя на свою безалаберность. Настоящий Марк никогда бы не допустил такого. Да, самая обычная грязь, совсем немного, попала в механизм, и случилась осечка. Сейчас фитильные ружья наиболее предпочтительнее, пока кремнёвые замки ещё находятся в зачаточном виде. Недаром в старых войнах на Земле (как здесь не знаю, Марк с подобным не сталкивался) в приказном порядке офицеры в полках перед сражениями должны были сдавать свои кремнёвки и получать фитильное оружие. Да и солдаты с «фитилями», способные творить настоящие чудеса в процессе стрельбы, подчас показывали результаты новобранцев, когда им в руки давали кремнёвые мушкеты. Это уж потом мушкеты с кусочками кремня отладили до таких высот, что они служили о-о-очень долго человечеству. Но этому миру ещё далеко до широкого распространения столь качественных образцов. Чем хороша кремнёвка, так это отсутствием запаха тлеющего фитиля и неудобствами в плане постоянного контроля за огоньком. Зато фитиль выстрелит всегда! Это я вам как Марк Грегори Адамс говорю, один из лучших охотников посёлка.

Но «калаш» ещё лучше, хе-хе.

После переполоха из девчонок больше никто не смог заснуть. Андрей с Толиком поворочались минут сорок и встали, решив сменить меня с Петровичем на дежурстве. Тромблон взял Андрей, Толик же получил пистолет, так как лучше своего товарища

управлялся с подобным капризным устройством.

Уснул я мгновенно, хотя и опасался, что получил такой заряд бодрости и впрыск адреналина после посещения незваного гостя, который хуже татарина, если вспомнить поговорку, что до рассвета буду мять подстилку то одним, то другим боком.

Проснулся от того, что мелкая букашка забралась мне на нос и давай ползать по самому краю ноздрей.

— Апчхи!

В ответ на мой громогласный чих рядом раздалось весёлое девичье хихиканье. Открыв глаза, я увидел над собою Машу с длинной тонкой травинкой в руке, на конце которой пушились тончайшие волоски.

— Извини, что разбудили, — повинилась девушка, но в её глазах я видел только бесенят и ни грана смущения. — Просто ты дольше всех спал, вот я и не выдержала, решила чуть-чуть пошутить. — И опять весело прыснула, прикрыв ладошкой рот. Рядом с ней засмеялась Катя и вторая девчонка, та самая трусиха, которая вчера от костра боялась днём отойти.

— Вот чего я не люблю, так это когда мне мешают спать и есть, — пробурчал я без злости и резко, одним рывком сел. Придавил я на массу порядком, если судить по высоте солнца.

— Ну, извините, ваше сиятельство, не знали-с, что вы баре, — встала с колен в полный рост Маша и изобразила что-то вроде книксена. И опять рассмеялась, следом — её подружки.

— Отстаньте от него, ишь расшумелись, балаболки, — шуганул девчонок Петрович. — Давай, Максим, топай в нашу мужскую компанию, заодно перекусишь, чем бог послал.

— Спасибо, Петрович. А что тут имеется в меню? — я плюхнулся на небольшой камень рядом с плоским валуном, который использовали в качестве стола.

— Вчерашнее мясо да каштаны печёные. Мясо после того, как остыло, и вновь разогрели, превратилось в ту ещё гадость, но с голодухи пойдёт. Каштаны вкусные, да только, кхм, чудные они, — ответил Петрович. — Вон видишь наших стрекоз?

— Что с ними не так? Вроде нормальные, повеселели, — пожал я плечами, лишь мельком бросив взгляд на девчонок и полностью сосредоточившись на столе.

— Да каштаны, по ходу дела, галлюциногенные, — влез в беседу Андрей. — Они их штук по двадцать слопали, от мяса нос воротили. Полчаса ещё ничего были, а потом накрыло. Ржут без повода, чуть ли не в салочки играли, истории рассказывали и смеялись после каждого слова, до тебя домогались.

— Блин. Откуда вы их взяли-то? — чуть ли не выругался с трёхэтажными составляющими я и положил обратно на стол крупный потрескавшийся от жара каштан. — Выбросили бы эту гадость.

— Толик принёс. Тут, оказывается, рядом несколько таких деревьев растёт, а мы вчера не увидели. Пошли мы с ним за водяными лианами и увидели. Вон он, на дежурстве сидит, бдит, — махнул рукой собеседник в сторону паренька. Он лежал на животе в пятнадцати метрах от нас, на огромной каменюге, у самого края обрыва. Почувствовав мой взгляд, он повернул голову в нашу сторону и отсалютовал двумя пальцами. В ответ я поднял правую ладонь.

— Так почему не выбросили?

— Так вкусно и сытно. А ещё каштаны на нас никак не подействовали. Я про мужиков говорю. Девки с ума сходят, а я только чувство испытываю, что очень хорошо позавтракал.

— Может, просто наши организмы крепче?

— Вряд ли. Скорее, тут дело чуть-чуть в другой физиологии. Эх, вот же феминистки по этому поводу вой подняли бы, — широко осклабился Андрей, и тут же погрузился. — У меня жена их трудами зачитывается, всю плешь проела, м-да...

— Да не грусти ты так, парень, — хлопнул Петрович по плечу осунувшегося как-то разом Андрея, — жизнь у тебя новая началась. Найдёшь здесь себе жену и без всяких закидонов и тараканов в голове. Девки тут справные, покладистые, работающие и красавиц много. Я и сам начну себе подыскивать суженую, как только всё утрясётся.

— Эльзу бери, Петрович, — рассмеялся Андрей. — Нормальная такая жена будет, возрастом подходите, из одного мира.

— Да уж... Эльзу... м-дя, — задумчиво произнёс кузнец. — Дурная баба она, с такой только наплачусь.

— Чем же это? — удивился я. — Ты смотри, как она взяла управление в свои руки там на берегу. Лойд хоть и шипел, но соглашался с ней почти во всём.

— Соглашался потому, как землю под ногами потерял, с жизнью распрощался, как робот был, Максим. А Эльза — дура набитая. Только почуяла, что можно власть прихватить в руки, пока все поникшие сидят, тут же этим воспользовалась. Но здесь — не там! — эти слова Петрович произнёс, как припечатал. — Здесь женщина, если она не дворянка, весьма забита и бессловесна, вровень с мебелью народом поставлена. Боюсь, что Эльзу на костёр запросто положат или с камнем на шее притопят подальше от берега. У нас там и морячки имеются из команды, а они страсть как суеверны. Покопайтесь в своей памяти, вытащите свои чувства от этих, мм, репе... тьфу, доноров, в общем.

— Мы ей поможем, Петрович, — сказал Андрей.

— Нас тут землян полтора десятка, и некоторые уже засветились своими странностями, — тут кузнец неодобрительно посмотрел на скальный обломок с Толиком наверху, наверное, припомнил его вчерашний экзерсис с каштанами. — Как бы не примерить на шею нам всем камешки.

— А Хендрик не возвращался? — спросил я. — Время позднее, он или кто-то другой из лагеря мог прийти на разведку. Тем более тут вода.

— Придут ещё, никуда не денутся. Конечно, если с ними ничего не случилось, — тяжело вздохнул Петрович. — Я тут вот что подумал, ребята. Останусь дожидаться посыльных от Эльзы или Лойда, смотря кто там у власти. Ежели не появятся до обеда, то пойду туда сам. Заодно ожидаючи нарежу вот этой лозы и начну вязать лесенку, а то по канату не очень-то и полазаешь.

— А мы? Ты так сказал, словно прогоняешь или хочешь, чтобы сделали подальше лагерь, для таких как мы, если ситуация обострится? — вскинулся Андрей.

— Насчёт лагеря идея стоящая, позже обсудим, — ответил кузнец. — Но вы, по-моему, забыли про наших товарищей, которые вчера ушли вон туда и не вернулись. Ну, ребятки, нельзя же быть такими эгоистами — брюхо набили, жажду утолили, кто-то отоспался и всё, на остальных начхать?

Андрей чуть заметно покраснел. Да и сам я почувствовал, как после слов взрослого мужчины мои щёки начали гореть. Ведь он прав — забыл я, напрочь.

— Возьмёте оба ствола, вам в джунглях они пригодятся. Девчонок тоже берите, потому как, ежели мне придётся спускаться вниз, то они не смогут пойти за мной, а оставлять их тут одних не хочу.

— Да они себе шею свернут в таком состоянии! — воскликнул Андрей. — Или потеряются, или ещё что-нибудь с ними случится.

— Андрей прав, — поддержал я парня, — не станем мы их брать. Петрович, ты умный мужик, дельные советы давал всё время, и вот на тебе — опять двадцать пять! Там группа пропала из четырёх человек, а ты нам в нагрузку даёшь несколько обкуренных девах.

— А давайте я с ними останусь? — неожиданно предложил Андрей. — Макс, ты и Толик стреляете хорошо, лучше меня, ориентируетесь тоже неплохо в лесу. Вдвоём без лишнего балласта быстрее поиски проведёте. И, мм, это... проще Максу будет, если Толяна срубит от каштанов, вдруг на девчонок наших они просто быстрее подействовали, а нас накроет позже.

На этом и сошлись. Перекусили, долго пережёвывая жёсткое, как кусок свиной кожи, мясо. Я нет-нет да косился на горку печёных каштанов, пуская слюнки на ароматные плоды, да только не хотел рисковать, хотя парни после употребления немалой порции (а с голодухи кто там считал, сколько каждый стрескал?!) признаков отравления не выказывали. Напились вволю, хоть и тяжело будет идти по жаре.

— Ну, ни пуха ни пера! — пожелал нам Петрович.

— К чёрту!

Тропинку, по которой шли наши товарищи вчера, мы с Толиком нашли быстро. Молодёжь шла с размахом — срубленные, оборванные и сломанные ветви с лианами и кустарником устилали края дорожки щедро, по ней дюжина человек может пройти свободно по трое в ряд.

— Да уж, — покачал головою Толик, когда это увидел, — вот бы их энергию да на пользу делу. Они тут автостраду зафигачили! Интересно, на сколько их хватило?

Хватило ребят на двадцать минут. Точнее, работали они гораздо дольше, это наша пара прошла за этот промежуток времени широкую тропу. Потом «автострада» резко превратилась в едва заметную стёжку. Кое-где на пути из земли уже пробились высокие побеги, похожие на хвощ. Вовремя же мы тронулись в путь, а то ведь в середине дня тут уже всё опять затянет зеленью, и гадай после этого — наши товарищи прошли вчера или некто тут с месяц назад работал топором.

Через полтора часа следы вывели нас в старый разрушенный город.

— Прямо как в «Индиана Джонс» городишко, — присвистнул мой напарник.

— Скорее из индийских приключенческих фильмов, — поправил я его. — Груды развалин, сплошная зелень среди них и обезьяны.

— Обезьян не вижу, — насторожился Толик. — Где?

— Это я так, к слову. Хотя вон в той стороне что-то промелькнуло небольшое и прямо по отвесной стене вскарабкалось в пролом.

Город расположился на пологом холме. Широкая улица была некогда вымощена большими каменными плитами, сейчас от них остались лишь крупные обломки — последствия безудержного роста флоры. От многих домов уцелел только фундамент да горки камней и качественных, из обожжённой глины, кирпичей, очерчивающих периметр здания. Уцелели немногие, да и те без крыш, лишь пустые коробки с провалами окон и дверей, обвитые лианами.

Джунгли разошлись, и больше не нужно было выгрызать в них проход. Потому и следы пропали. Но я был готов отдать любой зуб на выбивание, что четвёрка наших товарищей пошла на верхушку холма по остаткам дороги. Да это сделал бы любой человек! Кроме, быть может, путешественника со стажем, который ещё и не то видел.

— А в домах карлики какие-то жили, — заметил Толик. — Или тут, как в Сибири, спецом делали низкие двери и маленькие окна?

— В Сибири это делалось для сохранения тепла, в этом же климате подобное вряд ли нужно. Может, для защиты от зверей? — пожал я плечами. На размер окон и дверей в уцелевших домах я обратил внимание, едва только мы подошли к первому дому.

— Или карлики жили.

— Или карлики, — согласился я с ним.

Видимость была хорошая, если кто-то пожелает на нас напасть из одного из домов или зарослей, то мы успеем увидеть и среагировать. Заметил несколько деревьев и большие кустарники, на которых висели орехи и мелкие разноцветные плоды. Скорее всего, потомки некогда культурных растений, украшающих дворы и дарящие жителям возможность полакомиться. Потом нужно будет обязательно набрать немного от каждого дерева, а в лагере разберёмся насчёт съедобности. Но, думаю, если моя догадка верна насчёт одичания

фруктовых садов, то всё будет нормально с качеством даров природы.

На вершине пирамиды нас ждал сюрприз.

— Вот это да! И тут египтяне отметились! Макс, как такое может быть? — присвистнул Толик.

— Что-то на египетскую она совсем не похожа. Хм, здоровая какая! И как мы её снизу не заметили? Из джунглей же верхушка холма лежала как на ладони.

— Оптический эффект какой-нибудь. Полезем смотреть? Вон и ступеньки имеются, — предложил Толя. — Наши здесь точно были, я бы никак не пропустил такое место!

— Сначала обойдём по кругу, посмотрим, что и как. Потом поднимемся.

Пирамида была собрана из красноватых с чёрными и тёмно-синими, почти фиолетовыми полосками блоков, каждый из которых был размером со стандартный строительный блок ФБС 24-4-6. Не египетские размеры, но тоже немаленькие и неподъёмные для голых человеческих рук. А если взять версию Толи о карликах, то и вовсе местные строители совершили подвиг, воздвигнув подобное сооружение.

С каждой стороны пирамиды имелось по паре широких лестниц с невысокими ступеньками и очень широким каменным жёлобом между ними. Быть может, наверху что-то вроде бассейна имеется, и желоба нужны для слива излишка влаги. Или для стока дождевой влаги, ведь здесь ливни должны быть — закачаешься.

Вершина пирамиды плоская, но вот что там расположено и есть ли вообще, не вижу снизу.

— Полезли? — Толик прямо пританцовывал от нетерпения. — Заодно сверху осмотримся, вдруг наших увидим... костёр, там, или шалаши поблизости. Это же самое высокое место в округе, плюс пирамида высоченная. В ней же метров пятнадцать будет!

— Ну, это вряд ли. Хотя насчёт осмотреться, думаю, ты прав.

Мы шагнули к ступеням, и тут внезапно напарник резко обернулся назад. Посмотрев мне в глаза, он с непонятной настороженностью спросил:

— Ты чего, Макс?

— Не понял?

— Ты мне так дыру между лопаток просверлишь своим взглядом. Я его даже почуял, прям как в книгах пишут.

— Я если и смотрел на тебя, то только мельком, тут есть и без тебя места, которые нужно контролировать, — откестился я от обвинения, потом пришла в голову догадка. — Слушай, а на ха-ха тебя не пробивает?

Тот с недоумением посмотрел на меня, поднял руку к голове, характерно приложив указательный палец, и хмыкнул.

— Намекаешь, что каштанчики наконец-то подействовали?

— Ага... — кивнул я и тут я почувствовал ЕГО. Тяжёлый, ненавидящий, острый, как стилет убийцы, взгляд существа, замершего перед смертельным прыжком. Я резко, как несколько секунд назад Толик, развернулся на месте, одновременно с этим присел на одно колено и приготовил пистолет к выстрелу, положив ствол для большей устойчивости на предплечье левой руки. — Тьфу, чёрт!

Позади никого не было.

— Макс? — осторожно спросил Толик. — Эй, ты чего?

— Готовься к драке, — прошипел я сквозь зубы. — Тут дело не в каштанах — следит за нами кто-то, идёт по пятам и вот-вот нападёт.

Краем глаза я заметил движение слева, быстро повернулся туда — пусто. Вновь что-то почудилось в той стороне, куда целил мгновением раньше.

Бах!

Я стрелял, как это делал раньше Марк в своих лесах, больше на голых инстинктах, на едва уловимое движение тени, молниеносный прыжок белки или куницы с дерева. Там нет времени присматриваться и целиться, всё решает реакция и степень личной удачливости.

Выстрел словно сорвал неведомую пелену с глаз. За спиной поражённо вскрикнул Толик, увидев, что мы находимся в окружении низкорослых и тщедушных существ, разрисованных яркими узорами по обнажённому телу, украшенных браслетами из кусочков меха, сплетённых полосок кожи, в масках, закрывающих лица и грудь. Набедренные повязки у каждого были разной длины и различались степенью разрисовывания и количества украшений. У каждого в руках было по большому посоху или палке в полтора метра длиной.

Их было около десяти человек — карликов. Точнее, пигмеев, так как пропорции тела были правильными. А может, это и вовсе были подростки. Встали вокруг нас полукругом на расстоянии пятнадцати метров. Мой выстрел навскидку почти вслепую угодил в руку самому разукрашенному и разряженному коротышке. Вместо маски на груди у него единственного из отряда висели две нитки бус из совсем мелких полупрозрачных белесых камней. Пуля из пистолета пробила ему бицепс, и красная кровь сейчас щедро заливала бок.

«Вождь или шаман», — успел подумать я, прежде чем меня и напарника атаковали. Те самые палки в руках врагов оказались духовыми ружьями, трубками. Причём уже заряженные. Я и глазом не успел моргнуть, как послышались громкие «гудки», и в меня полетели тонкие и короткие дротики.

Один снаряд угодил в бедро, второй в выставленную вперёд левую руку, которой я успел прикрыть лицо.

— Макс, ложись!

Не раздумывая, я рухнул вниз, и миг спустя над головой пролетел снаряд картечи. Увесистая жменя свинца на таком расстоянии наделала страшных дел. Трое пигмеев свалились замертво, один громко завыл-зарычал и потерял интерес к сражению, занявшись своей искалеченной рукой — свинцовый шарик угодил в локтевой сустав и буквально выворотил его наружу с кусками сухожилий, расщепами кости и лохмотьями плоти.

Вождь вновь уцелел — один из воинов прикрыл его собою и сейчас лежал под ногами главаря, обливаясь кровью и мелко трясясь в агонии.

Дротики я выдернул тотчас, удивившись, что почти не почувствовал боли от ран, а ведь вошли снаряды в плоть больше чем на сантиметр. А вот на ноги я встал с трудом и почти тут же повалился обратно.

«Отравили, суки!»

Про яд кураре или что-то похожее я знал ещё с детства, когда зачитывался романами Луи Буссенара, Майн Рида, Джеймса Кервуда и прочих писателей про героев-авантюристов. Появилась тяжесть в груди, как если бы мне на грудь уселся кто-то умеренно тяжёлый. Ещё немного и я просто не смогу дышать... чёрт, чёрт, чёрт!

Упал я так, что смог увидеть апофеоз схватки. Разрядив тромблон в дикарей, Толик попытался воспользоваться дальше оружием как дубиной. Даром что короткий, зато «ствол» весил прилично. Но против подвижных и юрких пигмеев он не продержался и минуты. Один из противников почти распластался на земле, пропуская над головой импровизированную палицу, при этом молниеносно выбросил свое «духовое ружьё», точно угодив туда, куда не

пожелает получить ни один мужчина. Толик только хрипнул и повалился на землю, скрючиваясь от жуткой боли. У него даже сил не было на крик, просто сипел едва слышно. Подскочивший пигмей приложил его по голове чем-то похожим на кусок берцовой кости. Звук был такой, словно что-то хрустнуло — череп напарника или оружие пигмея.

Вождь пигмеев медленно подошёл ко мне и встал, нависая. Из раны продолжала струиться кровь, но это мало его беспокоило.

— Айла ронгин плахзи! — гортанно произнёс он и внимательно посмотрел на меня.

— Да пошёл ты, — выдавил я через силу. Кажется, этого вполне хватило, ответ удовлетворил вождя. Потеряв ко мне интерес, он что-то повелительно крикнул своим воинам. Те уже успели снять с убитых всю одежду и украшения, оставили только маски. После слов вождя пигмеи перетаскивали тела к подножию пирамиды. Там, подцепив толстыми и длинными палками несколько каменных плит в мостовой, уложили мертвецов в пустоты под ними. Зачем подобное сделали древние зодчие — не знаю.

Я всё боялся, что вот-вот ко мне подойдёт вождь и перехватит горло своим кривым коротким ножом с блестящим чёрным лезвием, висевшим на левом бедре. В отместку за ранение. Или по его указанию мне проломают голову, как бедолаге Толе. Но всё обошлось. Закончив похороны, пигмеи соорудили из веток и лиан носилки, положили меня с напарником и поочерёдно подняли на вершину пирамиды. Поднимали поочередно, так как после стычки с нами отряд врагов заметно убавился. Да и попотеть им пришлось при подъёме.

Наверху никакого бассейна или водоёма не было. Стояла каменная коробка с одним большим арочным проходом и несколько плит из чёрного маслянистого камня, ярко блестевшего в лучах солнца, да так, что иногда цвет менялся с чёрного до золотистого. Каждая такая плита была метр на метр высотой и шириной и порядка двух с половиной в длину. Располагались они почти на краю пирамиды и точно напротив тех странных желобов.

«Жертвенники», — сама собою пришла мысль. Я читал как-то «Дочь Монтесумы» и кое-что в памяти отложилось. И вот сейчас всплыло. Я лежал на носилках и боялся, боялся так сильно, как никогда до этого в жизни. Быть убитым в драке, сражении, на охоте погибнуть в когтях зверя или от стрелы дикаря в спину, в дикарской ловушке или под колесами несущегося джипа, управляемого неадекватным водителем — всё это ничто по сравнению с мыслью, что тебя вот-вот принесут в жертву, а ты даже не можешь пошевелить пальцем. Адреналин из крови уже улетучился, оставив после себя опустошённость и безнадёгу. Чёрной завистью позавидовал Толику (явно живому, а иначе зачем пигмеям надрываться и поднимать его на такую высоту?), который умрёт на алтаре, не приходя в сознание. Мне бы так — уснул, тебя чик ножичком и всё, ты уж на небесах.

Но судьба нас хранила. Передохнув несколько минут, которые стали для меня самыми долгими и кошмарными за всю прожитую жизнь (даже, скорее, две жизни), пигмеи занесли носилки в строение. Внутри стояло огромное каменное кольцо диаметром под три метра, покрытое крупными рисунками — рунами, иероглифами или чем-то похожим, я не разбираюсь в этом, потому и не мог определить их принадлежность.

Рядовые пигмеи смотрели на него с восторгом и великим почитанием. Вождь же — как на привычную часть своей жизни. Вот он что-то повелительно выкрикнул, и все, в том числе и я с Толиком на носилках с чужой помощью, разумеется, прижались к стенам.

Вождь подошёл к кольцу, снял с себя ожерелье с камнями и поднял вверх на вытянутой руке.

— Аапхаги вездомель пошадлес кумос! Реаэке либмоши тунсон! — хорошо поставленным голосом, словно молитву читает, заголосил вождь. — Свапе выумэи ботсана!

И вот тут меня пробрало до печёнок, некстати вылезла ещё и память Марка, суеверного и набожного христианина, сторонящегося и панически боящегося всего неизвестного: знаки на кольце стали светиться! Сначала все разом, но несколько секунд спустя большая часть потухла, осталось где-то с дюжину. Вождь (да какой там — шаман!) повелительно махнул свободной рукой в сторону кольца. По этой команде пигмеи подхватили носилки со мною и напарником, крикнули от натуги — всё-таки вдвоём этим малоросликам тщедушным тащить наши упитанные тушки было нелегко, и чуть ли не бегом припустили в указанную сторону.

Я было подумал, а не рехнулись ли они — вприпрыжку нестись к противоположной стене строения, да ещё сквозь кольцо, нижний край которого был им по колено. Но потом случилось нечто: стоило мне пересечь контур кольца, как появилось головокружение и тошнота, мир вокруг померк на пару секунд. Судя по сдавленным стонам в изголовье и ногах, моим носильщикам пришлось не слаще.

Когда зрение восстановилось, то окружающий мир вокруг разительно изменился. Я уже не находился в тёмной и тесной каменной коробке — вокруг раскинулись джунгли. Как же мне хотелось осмотреться по сторонам, но моё парализованное тело не позволяло. Успел только увидеть, что вынесли меня из точно такого же кольца, как в той пирамиде, только чуть-чуть пообшарпаннее, что ли. И знаки, которые мог видеть, светились похожие.

Шаман появился самым последним. Увидеть его не сумел — положение тела и носилок не позволяло, но его голос я запомнил на всю жизнь и сейчас слышал похожую молитву, которой он открыл переход из пирамиды в эти места. Потом прозвучала его команда, и носилки со мною поставили на землю. Через минуту надо мною склонился шаман, что-то пытающийся высмотреть во мне. Я бы плюнул ему в морду, если бы мог, от внезапно охватившей меня злости. Злился за тот страх, что перенёс на вершине пирамиды, за свой промах, за то, что в драке толком и не поучаствовал.

От мыслей отвлёк шаман, он ухватил меня за щеку и крутанул кожу. Ничего не почувствовал, хотя щипок вышел будь здоров. Да уж, хорошую мне анестезию вкололи, явно не кураре и не новокаин, хе-хе. Интересно, а что хотел от меня шаман, что так сильно скривил морду в недовольной гримасе в ответ на мою реакцию, точнее, отсутствие таковой? Думаю, что мне повезло, и я ещё благодарить должен тех стрелков, которые наградили меня своими дротиками.

От Толика шаман тоже не смог добиться адекватности. Краем глаза видел, как он склонился над ним и что-то делал, но в ответ получил лишь тишину.

Не получив желаемого от нас, шаман сорвал злость на одном из подчиненных, по-моему, том самом, который чуть не расколочил череп моему напарнику. Лупил он его долго и с душой, и ранение нисколько не мешало в этом, даже я смог увидеть несколько моментов, как воин корчился на траве, а в это время шаман пинал его в живот. Натешившись и словно получив заряд бодрости (а то после перехода выглядел, что краше в гроб кладут), шаман отдал приказ на движение.

Где-то через полчаса меня вырубило, и очнулся я уже в темноте. Тело лежало неровно, ноги и туловище на камне, причём плохо обработанном, и из-за этого все неровности неприятно впиваются в тело. Голова приподнята и покоится на мягком и тёплом, судя по небольшим движениям, живом. Открыв глаза, я не сразу смог что-то рассмотреть — всё тонуло в полумраке. Через несколько секунд глаза привыкли, и я увидел над собою

человеческий торс, женский, если судить по выпуклостям. Причём весьма и весьма желанным, в мужском понимании, на третий номер с плюсиком, примерно.

«Блин, да не о том думаешь, Макс, куда тебя потянуло?» — одернул сам себя в мыслях. Я напрягся, опасаясь, что паралич ещё не прошёл или, что будет катастрофой, навсегда сковал меня.

— Он очнулся! Этот парень пришёл в себя, — раздался надо мной взволнованный женский приятный голос. Сначала я не понял, что же меня смутило, а потом как мешком пыльным стукнуло — она говорила на чистом русском!

— Наконец-то, быть может, от него мы узнаем, что же здесь происходит, — из полумрака донесся ворчливый мужской голос.

— Ага, ты посмотри на него, он из какого века вылез? Да, наверное, по соседству с этими дикарями жил, да напился и потискал жинку чужую, в ответ его и приголубили, тут товарищ вступился, и тоже огрѐб, — ответил ему ещё один мужчина, и гораздо моложе первого, если судить по голосу.

Пока они вяло перебрасывались фразами, я медленно поднялся, молчаливо приняв помощь незнакомки. Тело было неуклюжим, словно отлежал его полностью, а не только руку или ногу.

Оказался я в каменном мешке с низким потолком и дверью из толстых палок, связанных вместе лианами. В соседях имелись трое натуральных землян — джинсы, костюм секретарши, спортивный костюм. И Толик. Напарник всё так же был неподвижен, лежал на жалкой кучке сена. Видимо, ему, как самому больному, достались наиболее комфортные условия.

— Привет, чувак, ты меня понимаешь? — из своего угла вылез паренёк примерно моих годков (а точнее возраста Марка), в светло-сером спортивном костюме из мягкой ткани, и тут же обратился ко мне. Присел на корточки напротив, в метре от меня и заглянул в глаза.

— Хм, сдаётся мне, что тут толмач треба, — хмыкнул он. — Ни бельмеса он по нашенской мове не понимает. Чисто болванчик глазоньками лупает — щёлк-щёлк, хлоп...

— Сам ты болванчик, — перебил его я и тут же спросил у женщины: — Что с моим другом?

— Вы по-русски говорите?! — сильно удивилась та.

— Вы чисто говорите по-нашему, вы русский? Откуда у вас эта одежда? — присоединился к ней старший мужчина.

— Ответьте сначала на мой вопрос.

— У него с головой что-то. Сильно ударили, огромная шишка, и когда к ней прикасаюсь, то он начинает дрожать. Но в себя не приходит при этом. Боюсь, что у него черепно-мозговая травма. Я, конечно, не врач, но несколько раз сталкивалась с подобным.

— Да башку ему проломили, чувак. Если хирург не вскрыет и не почистит, то парню однозначно кирдык. А теперь давай про себя рассказывай и о нём тоже. Что за задница вокруг творится?!

— Давать тебе жена будет, — хмуро ответил я.

— О, точно наш чувак! — весело ответил «спорт-смен».

— Помолчи, Бамс, — то ли попросил, то ли приказал мужчина в джинсах, рубашке и джинсовой жилетке. — Вы его извините, это странности так на всех подействовали. Вы из реконструкторов, нет?

— Вы же русские? А из какого города? — не став отвечать, я сам забросал незнакомцев

вопросами. Может, невежливо поступил, но мне нужна была информация, чтобы знать, как поступить и что говорить.

— А правда, что евреи на вопрос вопросом отвечают? — тут же влез парень, которого назвали Бамсом.

— Так что? — не обратив на него внимания, поторопил я собеседника.

— Правда, — заржал Бамс.

— Мы из Н-ска. Рухнули, э-э, попали или провалились сюда... ох, даже не знаю, как сказать, — мужчина потёр обеими ладонями лицо, выругался, потом продолжил говорить: — В общем, всё случилось около часа ночи. Я в это время возвращался домой, и меня бросило прямо вместе с машиной в реку в сумерках. Пока разобрался, что к чему, выбрался на берег — уже стемнело. Побродил по окрестностям, покричал, и ко мне вышли ещё двое, потом женщина с ребёнком.

Я вопросительно качнул головою в сторону женщины, которая держала мою голову на своих коленях в момент моего пробуждения.

— Нет, там другие люди были, — помотал головою собеседник. — Мы с ними сделали себе лагерь с шалашами и костром. Запалили очень большой, чтобы издали видно было. И место выбрали чистое на самом берегу реки, тоже ради видимости. Всё думали, чтобы спасатели нас не пропустили или рыбаки, суда, которые будут проплывать по реке.

— Спасатели, ёпта, — скривился Бамс, — я сразу понял, что нас перенесло в другой мир, как пишут во всех книжках. А пишут не просто от балды, ведь как говорится: дыма без огня не бывает. У меня и рюкзачок специальный имелся на такие случаи, только в этот раз я со свиданки шёл, не стал его брать с собой... эх, вот же непруха-то, там у меня столько всего лежит!

— Сказали про корабли, — не обращая внимания на болтовню парня, я вновь обратился к мужчине: — Получается, что река большая и глубокая?

— Я рухнул метрах в двадцати от берега, и там глубина была в два моих роста точно. У меня трёхдверка «витара», высокая достаточно машина, так я на крышу когда выбрался, то до поверхности ещё порядочно было. Это когда машина уже стояла на дне. А река большая, очень, другой берег я и не видел даже. Хотя, может просто потому, что темнело уже, да и мне было не до рассматривания: увидел берег рядом и к нему давай грести. А потом уже стемнело быстро.

— В тропиках всегда так, — авторитетно заявил Бамс, — а тут самые настоящие тропики и есть. Жара эта, блин, с ума сводит.

— Бамс, можешь помолчать? — не выдержал я.

— Да ты шаман?! Откуда знаешь, как меня зовут? — выпучил глаза парень.

Я только махнул рукой в ответ. Но тот не желал успокаиваться:

— И Петра Григорьевича тоже знаешь, как зовут?

— И Петра Григорьевича тоже, — скрипнул я зубами: непонятная весёлость парня и показушная дурашливость начинали понемногу выводить из себя. Слов он уже выдал на хороший доклад, а сути меньше, чем воды в напёрстке.

— Шаман, аднака, воистину шаман, — возвёл он глаза к низкому потолку.

Тут уже не выдержал и мужчина.

— Да помолчишь же ты, в самом-то деле? — он сердито рявкнул на Бамса, потом посмотрел на меня. — Извините его, с самого переноса он не в себе, а тут ещё палач этих карликов такое творил... — не договорив, он громко скрипнул зубами. Рядом всхлипнула

женщина, которая молчала всё время, с того момента, как предположила диагноз у Анатолия.

— Пусть он начинает про себя говорить, представится, что ли, — буркнул парень, задетый чужими словами.

— Тут он прав, — пожал плечами мужчина и посмотрел на меня, потом первым представился: — Пётр Григорьевич Мезенцев, сорок лет, бригадир в ИП Мезенцева, строительством занимаюсь, отделкой... занимался, м-да. Зовите меня Петром, и на ты.

— Светлана Владимировна Огольцова, воспитатель в детском саду, тридцать один год и тоже из Н-ска.

— Бамс, — коротко представился парень. — Их земляк и студент. Твоя очередь, чувак.

— Максим Григорьевич Абрамов, двадцать шесть лет, сварщик на нашей оборонке. Ваш земляк. Здесь оказался ночью, наверное. По крайней мере, я спал в момент переноса.

— Одежду здесь наши? — тут же заинтересовался Пётр. — И обувь? По размеру подошли хорошо? Со стороны смотрится, что она прям как ваша родная, по вам обмялась, только с обувью непонятно.

— Ну, можно сказать, что и нашёл, и она моя родная, — ответил я. Про себя решал дилемму: рассказать всё, как есть, или отделаться общими фактами, налить воды.

— Да ты не мычи, не телись, говори как есть, — сказал Бамс.

— Ты про себя что-то много не сказал. Кличку собачью назвал и только.

— Это ты на грубость нарываешься? — удивился парень и стал медленно подниматься с корточек. — Да ты знаешь, что у нас с такими борзыми делают? Да тебя...

— Тихо вы, — устало произнесла женщина, — надоел ты, Бамс, своей трепотнёй. Максим, вы возраст назвали двадцать шесть, а выглядите на двадцать — двадцать два. Можно с уверенностью сказать, что пару лет на внешность накинута пережитые испытания. Ещё загар на вас свежий, красный, такой по весне ложится, на белую кожу. Вы нам правду про себя говорите?

Вся троица испытующе уставилась на меня.

— Правду, — буркнул я, — только эта правда звучит фантастически. На самом деле мне двадцать шесть, но этому телу двадцать один...

Я рассказал всё без утайки, от момента, когда пришёл в себя на палубе корабля посреди шторма, и до того, как очутился здесь.

— Вот ни фига ж себе! — присвистнул Бамс. — Я когда про тело услышал, то подумал, что ты мозговой паразит какой-то, который меняет носителей, забирает их память и так далее. Наверное, тебя перенесло так из-за сна, что-то я читал, будто душа в спящем теле путешествует где-то. Наверное, её и выдернуло сюда, а этого чувака, Марка, приголубило по башке мачтой, и появилось бесхозное тело...

— Идею интересную подсказал, но дальше чушь полная, — оборвал его Пётр. — Ты не слышал, что кроме Макса в чужие тела ещё больше десяти человек угодило? Что, их всех тоже мачтой ударило по голове?

Бамс хмыкнул, но на этот раз решил промолчать.

— А что с вами случилось потом, как костёр развели? Как вы у пигмеев в плену оказались? Про какого палача говорили? — задал я вопросы товарищам по несчастью.

— Он вас сюда приволок, ну, не лично, но под его командованием. Харя в маске и с кучей бус на пупке, — зло произнёс Бамс. — Потом вытащил у нас двоих — брата с сестрой, двойняшки, что ли. И вон там, прямо перед нами разделал, как курей: ливер отдельно, шкурка отдельно. Сначала девчонку всю изрезал, потом пацана.

— Из-за чего? — нахмурился я, не очень веря в такую жестокость. Ладно бы просто в жертву принёс землян, а тут просто так с особым садизмом, как фашист какой-то, изрезал.

— Да просто так. Нравится это ему, он прямо на глазах расцветал, ещё бусы свои всё гладил да смотрел на них после вырезанного глаза или куска снятой кожи.

— Он правду говорит, — почти прошептала Светлана, — так и было. Главный этих дикарей мучил бедную девушку очень долго.

— Фигово, — покачал я головой и почувствовал непроизвольную дрожь и холодок по телу после услышанного, — очень фигово. Я этого шамана ранил в руку, так дырка у него такая, что палец свободно можно просунуть. Вряд ли он такое забудет. То-то он меня щипал, да и Толика тоже, наверное, проверял, как я боль чувствую.

— Именно его? Странно, я не заметил, чтобы он страдал от раны, — произнёс Пётр Григорьевич.

— Если речь о коротышке с одной маской на лице и бусами в несколько рядов на груди, которого слушаются прочие, то это он. Хотя, может, в племени несколько шаманов? — ответил я.

— Не повезло тебе, чувак, — вздохнул Бамс с искренним сожалением.

— Ладно, жизнь покажет, что там будет. О себе расскажите, а то я так и не понял, как вы в плену у пигмеев оказались.

— Костёр жечь не нужно было, — с горечью в голосе ответил Пётр. — Хотя, кто знает...

Всю ночь на отсвет костра приходили люди, заброшенные неведомой силой в этот мир. На пятачке у реки к рассвету собралось тридцать с лишним человек. Всё больше люди молодые и среднего возраста, детей и пожилых почти не было, только те, кто попал сюда с родственниками. Едва только на небе засветилось солнышко, сменив собою страшную луну, при взгляде на которую всех без исключения бросало в нервный озноб, в костёр стали подкладывать пучки свежей травы и зелёных веток, для густого заметного дыма. Примерно в десять утра из леса показался небольшой отряд низкорослых людей, имевших при себе длинные шести. Ждали их кто с подозрительностью, кто с надеждой, самая малая часть предложила отправить к ним встречающих и посмотреть, как те их встретят. Само собой разумеется, никто не рвался проверять на своей шкуре, как примут аборигены комитет по встрече. Большая часть толпы, а тут набралось уже за полсотни человек, сгрудились почти плечом к плечу и ждали незнакомцев. Только единицы встали на кромке воды, готовясь задать стрекача при первых признаках опасности.

— Но уши трое или четверо. Почему-то нам всем стало дурно, когда карлики подошли на несколько десятков метров, на ногах остались стоять меньше десятка, и их быстро обстреляли из духовых трубок дротиками с ядом, из тех самых, которые мы за шести приняли. Потом часть, кому плохо стало, связали вместе и погнали куда-то в лес, не всех, кстати, всего человек пятнадцать. Привели к какому-то огромному каменному кольцу на лесной поляне, на нём ещё чудные рисунки светились, и в это кольцо затолкнули. После этого мы вышли в центре этого городка. Потом всех распихали по таким вот клетушкам, — закончил рассказ Пётр.

— А напасть, пока шли? Эти трубки всё-таки не автоматы, быстро выстрелить из них не получится. А мы крепче и больше этих пигмеев. Навалились бы толпой и всё, хана им была бы, даже со связанными руками справились бы.

— Максим, тебе хорошо говорить, когда тебя там не было. Нас палками связали, точнее к палкам привязали. Такие с рогульками, как ухват печной, вокруг шей их закрепили, к

поясам верёвки ещё и руки к палкам привязали, да так хитро — концом вторым в поясицу упиралась эта палка, чуть шевельнёшься или наклонишься, так позвоночник от копчика до шеи простреливало, — ответил Пётр. — И копыя у них были, короткие с тонкими наконечниками, как шила. Таким ткнёшь и большой силы не нужно, чтобы проткнуть. Ещё и травленные, наверное, или обломаются в ране из-за такой малой толщины.

— А меня взяли на переправе, — начал рассказывать Бамс. — Тоже перед темнотой тут оказался, в воде, ага, выбрался на берег, костер зажигать не стал, хотя зажигалка имелась. До утра под берегом просидел в норке под корнями. Знаете, когда вода подмывает высокие берега, и там, где самая слабая почва как бы пещерки получаются, а сверху корни кустов и деревьев торчат, укрыться в темноте можно и шум от них будет, если кто полезет. Вот я в такой пересидел до света, потом выбрался. Пару часов шёл по берегу, наткнулся на небольшую речку, впадающую в большую, стал искать брод, и вот там меня и подстрелили, когда брёл по пояс в воде, прямо в шею угодили... вот, видишь дырку? Отрубился махом, хорошо в воду спиной упал, и эти гады меня быстро вытащили. И пираний не было, тоже хорошо. Я про них уже потом подумал. И затем на носилках меня сюда притащили. Я тут, типа, старожил, первым заселили.

Бамс во время рассказа пользовался нормальным языком, без жаргонизма, так что понять его было легко. Когда он закончил, я вопросительно посмотрел на женщину.

— А меня захватили, как и Петра Григорьевича. Собралась нас группа человек пятнадцать, мужчин только трое, остальные подростки и женщины. Решили идти по берегу, когда стемнело — зажгли костёр. До утра никто не мог заснуть, двое мужчин дежурили чуть в стороне от нас, сказали, что свет костра им зрение испортит, и они ничего не увидят. А утром мимо проплыла лодка с этими пигмеями, всего пять человек, но когда подплыли поближе, то всем нам плохо стало, только те двое мужчин остались стоять. Они с палками напали на тех из лодки, но их обстреляли стрелами из своих больших трубок. Их в лодку погрузили, а нас связали и погнали в джунгли, били всё время, если кто отставал или падал. Через странное кольцо привели сюда. Ещё возле него мы не одни были, другие пигмеи и наши люди стояли, ждали своей очереди.

— Много? — поинтересовался я.

— Наших очень много — двести, триста человек... точно не скажу, извините, Максим. А карликов, то есть пигмеев, там было около тридцати. Я ещё заметила, что у некоторых на локтях или запястьях висели браслеты с кристаллами, похожими на бусы палача.

— Прямо конвейер сообразили, ёпта, — сплюнул под ноги Бамс и внезапно повернулся в сторону двери, прислушался к чему-то и произнёс: — Идут сюда, хавчик, что ли, несут, — потом словно запнулся, и сглотнул и совсем тихо добавил: — Или палач идёт за жертвой. Чувак, за тобой наверняка.

От его слов во рту пересохло, и сердце забилося часто-часто. Стало страшно и стыдно одновременно. Стыдно за свой страх перед товарищами по несчастью, перед Светланой, как женщиной. И ведь почти никогда со мной такого не было, со школы изживал из себя это противное чувство, бросался в драку с хулиганами из заводского района, со старшеклассниками, стоило мне почувствовать дрожь в коленках. А тут на тебе. Или это рефлекс Марка, для которого всё это выглядит сущей чертовщиной, дают о себе знать?

Пользуясь тем, что с улицы рассмотреть что-то в полумраке помещения тяжело даже кошке, я стянул со штанов ремень и намотал его узкий конец на кулак. Пряжка на нём массивная, медная, как хорошая гирька, такой висок проломить — плёвое дело. Только бы

размахнуться.

— Драться хочешь? — прошептал Бамс. — Правильное дело... ты на улицу только их вытолкни, как дверь откроют, а мы следом... только ремень спрячь, а то они увидят и обстреляют через дверь.

Через несколько секунд показалась парочка пигмеев, один из них нёс на плече что-то вроде авоськи, в которой лежали коричневые крупные шары. Второй был вооружён коротким копьём с тонким шилообразным наконечником чуть длиннее моей ладони. Кончик наконечника был измазан в чём-то чёрном, похожем на смолу.

— Отбой, боец, это хавчик, — с заметным облегчением произнёс Бамс и без сил, как мне показалось, уселся на пятую точку, поджав колени к груди.

А я так и остался стоять, зажимая в руке ремень и не веря, что всё обошлось. Только услышав резкий окрик коротышки с копьём, согнал оцепенение.

— Чувак, ты сядь, как я, и руки держи на виду, а то еще без еды оставят, — подсказал мне Бамс.

— Они нас словно свиней на убой кормят, — буркнул я, но совету последовал, не хочу, чтобы остальные остались голодными из-за меня.

— Ха, да свиней кормят по-королевски. А тут хавки столько, чтобы ноги на второй день не протянуть, — воскликнул Бамс. — Всё, не шевелись, сейчас раздача будет.

Раздачу еды осуществляла женщина, которую я опознал по лоскуткам голых грудей, висевших словно уши спаниеля, и совершенно ничем не прикрытые. От воина отличалась почти полным отсутствием украшений и одежды, только набедренная повязка и несколько непонятных пластинок в волосах. Из авоськи она достала три крупных шара и просунула сквозь прутья двери-решётки к нам. Положив на землю, следом бросила горсть мелких плодов или орехов.

За еду мы схватились сразу, едва пигмеи отошли от двери. Но едва я взялся за первый небольшой орех, как тут же разочарованно бросил тот обратно.

— Ты чего? Сытый, что ли? — удивился Бамс. — Лопай, очень вкусная штука, почти как каштаны наши. Хоть и немного, но кишки урчать не будут.

— Отрава это, наркотики. Видел я тех, кто попробовал эти каштаны. На женщин особенно сильно действует, — пояснил я, потом присмотрелся к шарам. — Это что?

— Вроде бы кокосы пустые, похожи на них, только кожура плотная и неровная, как у грецких. Тут отверстие имеется, щепкой заткнуто. В двух вода, а в одном что-то вроде каши. Густая, и хватит каждому по горсти. Уже кормили такой, вроде бы живые, — ответил Пётр. — Насчёт каштанов уверен, Макс?

— На сто и один процент, — кивнул я. — И думаю, что с этой кашей не всё нормально...

— А как эти каштаны действуют? — живо поинтересовался Бамс.

— Ну, у нас девчонки их наелись и их торкнуло. Слишком весёлые, беззаботные стали, про осторожность забыли, хотя перед этим всю ночь тряслись.

— Не похоже, — развёл руками парень. — Меня в первый раз, когда накормили этими орехами и кашей, на ха-ха не пробило.

— А на что? — спросил я, про себя обдумывая идею, только что пришедшую в голову.

— Да мне и после яда было хреново, а тут поел и обессилел, лежу, мыслей почти нет, а мышцы вялые-вялые. Меня бы пятилетний ребёнок в тот момент запинал. И еще... это, не при Владимировне будет сказано... обоссался я, мочевого пузырь тоже весь такой на

расслаблуже стал.

Мне показалось, что женщина покраснела, то ли так подействовали слова рассказчика, то ли после меню аборигенов с ней такая же напасть приключилась.

— Кхе, кхе, — прокашлялся Пётр, — Макс, пожалуй, ты тут прав со своими подозрениями. Я-то списывал такое странное состояние на последствия попадания, шок, бессонную ночь и страх, а оно вон что. Нужно эту кашу выбросить...

— И воду тоже, — добавил я. — Жажда замучает, конечно, но у меня есть план. Если всё получится, то будем свободны скоро, тогда и напьемся, и поедим.

— Хороший у вас план, товарищ Сталин, отсыпьте-ка из своего кисета, — заржал неугомонный Бамс, потом серьёзно спросил: — Поделишься?

— Видел морду охранника?

— Ага. Он её не мыл, походу, с рождения, — ответил парень. — Но при чём здесь это?

— При том что у воинов, которые нас брали в плен, лица были скрыты масками. А у этого измазано глиной или чем-то похожим. Эрзац-вариант, что-то вроде того.

— Ты сейчас выругался? — захлопал глазами Бамс. — Что за маза-фака-рзаца-маца?

— Историю нужно учить было, нет у меня времени сейчас восполнять пробелы в твоём образовании. В общем, по моим предположениям, вся боеспособная часть племени ловит наших земляков в джунглях, остались вот такие охранники, — махнул я на него рукой. И ведь непонятно, в самом ли деле он такой, или играет роль балбеса.

— Вертухай, ёпта, — ухмыльнулся Бамс. — Я понял тебя, чувак, понял. Тоже считаю, что из вертухаев бойцы, как из одного вещества пуля.

Всё получилось так, словно происходило на сцене театра: участвующие лица играли ту роль, которую от них ожидали. Я сидел рядом с дверью, привалившись боком к перекладинам, одна рука держала пустой кокос с остатками каши, которой я вымазал кожу вокруг губ и заляпал слегка подбородок, второй упирался в землю, закрывая телом от чужих взглядов. Возле правой стенки на боку, поджав ноги к животу и положив голову на ладони, лежал Бамс. Светлана прилегла у дальней стены, неподалёку от неё занял позицию Пётр. Мужчина честно предупредил, что в драке от него толку будет мало, кулаками он махал лет пятнадцать назад в последний раз, да и было это по пьяному делу в кафе, от гопников и дорожных отморозков судьба его сохранила, так что боевой дух в нём давным-давно угас.

Бамс оторвал рукав от верхней части одежды, сунул туда кокос с водой, соорудив примитивный кистень. Таким билом запросто можно проломить голову горилле, не то что лесному карлику.

Пигмеи ничего не заподозрили, наверное, в самом деле, в посёлке остались только убогие, с одной извилиной в голове. Когда сопровождающая охранника зашла в нашу камеру и наклонилась за моим кокосом, я вскочил, оттолкнувшись одной рукой от пола, а второй нанося снизу вверх удар твёрдым орехом в подбородок противнице. Сухо щёлкнула челюсть и твердая кожура тяжёлого ореха, который я сжимал в кулаке, при взаимном соприкосновении. Через секунду я буквально на руках вынес оглушённую карлицу на улицу и толкнул под ноги охраннику, тут же кинул в него кокосом, угодив в грудь. К сожалению, как следует размахнуться не получилось, и удар вышел слабым. От выпада копьём я качнулся вбок, перехватил древко левой рукой у наконечника, резко толкнул от себя и тут же дёрнул. Не ожидавший такого пигмей, после толчка инстинктивно вцепившийся в копьё, почти влетел ко мне в руки и тут же словил кулаком в висок.

— Бамс, быстрее! — рывкнул я на замешкавшегося парня. Потом поднял копьё и в

несколько прыжков выскочил на просторную площадку под яркие солнечные лучи. После полумрака пришлось щуриться и одной рукой прикрывать лицо, давая время глазам привыкнуть к яркому свету.

Откуда-то слева раздался удивленный возглас, повернувшись, я увидел очередного пигмея с глиняной хохломой на морде. Этот был вооружён духовым ружьём и коротким тесаком из тёмно-серого материала, висевшим слева на поясе. До него было метров десять, и я, не задумываясь, метнул копье. Снаряд ударил врага под ложечку, пробив тщедушное тело насквозь и толкнув назад на метр. Он свалился на землю, где скорчился, ухватился обеими руками за древко, потом у него полилась кровь изо рта, пополам с пеной и непонятными сгустками. Звуки умирающий издавал такие, которые можно услышать из студенческого санузла после удачной сдачи сессии или дня рождения соседа. Наверное, зацепило желудок, и карлика сейчас душит рвотный спазм. Или яд на копье так действует, чёрт его знает.

За спиной что-то глухо ударило. Помня про оглушённых «кормильцев», я шустро метнулся в сторону, уходя с пути возможной атаки и разворачиваясь. Фу-ты, ложная атака: Бамс своим кистенём приложился по затылку пигмейки, а затем проломил голову охраннику.

— Где Пётр? — крикнул я. — Гони его сюда, быстрее! Нужно наших освободить.

Бамс понятно кивнул, шагнул к проёму каморки, где оставались наши товарищи по несчастью, и что-то там крикнул. Слов я не разобрал — в голове от бурлящего адреналина кровь била, как кузнечный молот, а сознание отказывалось воспринимать всё то, что не относится к бою.

Наша тюрьма оказалась небольшой каменной лачугой, заросшей высоким кустарником, одной из десятков на просторной улице. Между каждым строением имелся свободный пятак земли, густо покрытый кустами и тонкоствольными невысокими деревьями.

В ближайшем строении находилось пять человек, но все они неподвижно лежали на полу и не отреагировали на моё появление и слова.

— Народ, подъём, ну же, живее, если не хотите быть разрезанными на части! А, блин, нахрена жрали... тьфу, — сплюнув от досады, я метнулся к следующей каменной лачуге, но и там была та же картина. Через минуту ко мне присоединился Бамс, быстро оценив вид, хмыкнул и вдруг во всю свою лужёную глотку заорал:

— Люди русские, которые не жрали отраву и на ногах остались, отзовитесь!

— Совсем сдурел? — шикнул я на товарища. — Сейчас уроды сбегутся!

— Да не поймут они, кто и откуда кричал, чувак, — беспечно махнул рукой парень. — А так мы тут дольше провозимся с поисками, шансов нарваться больше.

И в подтверждение его слов совсем рядом кто-то заголосил:

— Эй, кто там кричал?! Я тут, помогите!!!

— Видал, — осклабился Бамс и рванул на голос. Засовы на дверях были элементарные и открывались в два приёма очень быстро, но только снаружи, изнутри проще сломать дверь. В тюрьме, один в один похожей на ту, где несколько минут назад сидел я, нашлись семеро — пять мужчин и две женщины, и только двое представителей сильного пола были на ногах и выглядели решительно.

— С этими что? — первым делом спросил я, кивая на неподвижные тела. — Ели?

— Баланды начушпанились, вон кокосы пустые лежат, — Бамс носком кроссовка толкнул пустой орех.

— Да, поели, — развёл руками один из сидельцев. — Женщинам отдали и раненым, вот их сильно побили, когда ловили. Мы им всю воду отдали. Сами только несколько часов тут,

не мучает жажда и голод почти.

— Потом поговорим. Драться можете? Крови не боитесь? — торопливо произнёс я. Мужчины переглянулись и как по команде кивнули.

— Можем и не боимся.

— Тогда вперёд, нужно других освободить, а то мы много не навоюем таким составом.

За десять минут, что нам дали пигмеи на самостоятельность, наш отряд увеличился ещё на семь человек, из которых были две девушки чуть старше двадцати лет. Разбитные девахи с татуировками, в ботинках, плотных штанах и футболках, взгляды злые, а в руках у каждой уже по бульжнику. Эти не «анны каренины», под поезд в порыве чувств бросаться не будут, скорее, столкнут туда обидчиков, вызвавших у них депрессию, а перед этим ещё хорошенько попляшут на их рёбрах. А потом перед нами оказалась толпа пигмеев с духовыми ружьями и копьями. Много, человек пятнадцать. Парочка из них красовалась масками на лице и животе.

— Те, кто в масках, опасны, настоящие воины, — предупредил я всех. — Копья отравлены чем-то ядрёным, будьте осторожны.

Один из спасенных махнул рукой за спины врагов:

— Там, неподалёку от портала, я видел кучу вещей. Со всех пленников снимали и бросали — часы, браслеты, телефоны и барсетки. И там мой пистолет лежит, травматик, но мощный, мощнее «осы». Он в коричневой, кожаной, лакированной барсетке. Пистолет заряжен, там же ещё два патрона.

— Лучше бы ты «калаш» с собою носил, мужик, — не мог не внести свои пять копеек Бамс. — Или пулемёт...

— Мочи их! — во всё горло закричал я и бросил камень в противников, в левой руке держал трофейное копьё, тесак из кости с заточной кромкой был у Бамса, свой кистень он отдал кому-то из первой пары спасенных.

Через секунду на дикарей обрушился град бульжников. Далеко бросить камни, размером с половинку кирпича, никто из нас не смог, но до врагов было метров пятнадцать всего, и тем пришлось туго. Двое упали сразу с разбитыми головами, еще двое или трое спрятались за спины своих товарищей, неуклюже держа руки, которыми закрылись от оружия пролетариата, и получили серьёзные ушибы.

Залп дикарей уполовинил наше войско — дротики оказались смазаны мгновенно действующим ядом, повезёт, если не смертельным. Я, хоть и был в первых рядах, избежал ранений.

Первого из дикарей я ударил копьём в лицо. Тот попытался защититься, вскинул руки, но шилообразный наконечник легко пробил ладонь и воткнулся в глаз... где и сломался. Дальше я орудовал древком, как обычной длинной палкой.

Это было похоже на стычку диких животных. Мы выдавливали врагам глаза, рвали рты, выкручивали руки до треска в суставах и лопнувшей кожи. Мы были сильнее пигмеев, и за несколько минут весь вражеский отряд вколотили в землю.

После этого на нас было страшно смотреть, такое ощущение, что мы маньяки из голливудских страшилок или только вышли со скотобойни, где лично и без спецодежды забивали скот.

— Что дальше? — хрипло произнёс Бамс, у которого от носа до груди протянулась широкая полоса алой крови. Грыз он, что ли, кого-то? Из разбитого носа юшка совсем другого цвета.

— Других освобождать, все двери нужно открыть.

— Портал сначала взять под контроль, двери потом, — возразил владелец пистолета. Нас уцелело всего четверо — я, Бамс, «пистолетчик» и одна девица. Трое раненых стонали и пытались зажать раны, прочие были мертвы: ядовитые дротики угодили в лица и шеи, яд убил их почти мгновенно. У девчонки была сильно порезана левая щека, из раны обильно текла кровь, и девушка постоянно сплёвывала красную слюну.

— Я тоже за портал, — прошамкала она и с гримасой боли схватилась за раненое лицо.

— Тебе бы приложить что-то, истечёшь же кровью, — проявил сердобольство Бамс и тут же был послан по матушке.

— Дура, — буркнул он в ответ. — Лесбиянка хренова, мужика бы тебе, чтобы приструнил.

— Я тебя сама сейчас приструню!.. — вскинулась та, но её одернул третий наш спутник.

— Хватит собачиться. Берём оружие и к порталу, — приказал он.

— Было бы оно ещё, — под нос произнёс Бамс. Его костяной тесак переломился в драке у рукояти, кистень развалился — не выдержала ткань рукава, разошлась по швам, копий у пигмеев было мало, а пользоваться духовыми полутораметровыми трубками никто не умел.

Из трофеев я взял себе толстую «духопушку» с костяным наконечником, надетом на оружие, как штык на старинные ружья. Бамс вооружился короткой дубинкой из очень прочной и тяжёлой древесины. До этого ей владел самый рослый и крепкий дикарь, а в руках землянина это оружие казалось разжиревшей, но тростинкой. Девушка взяла одно из духовых ружей с двойным запасом зарядов — выжженные изнутри из кусков стволов тубусы с притирающимися крышками. Последний член нашей боевой группы, тот, что взял на себя командование, остался с кривой толстой палкой, с которой начал первый бой, древесина легко выдержала столкновения с чужими головами и оружием, только приобрела ржавый оттенок от крови.

Кольцо портала стояло в центре поселения на небольшой возвышенности. Рядом толпилась тройка воинов из низшей касты с копьями в руках и дубинками на поясе. При виде нашей кошмарной четвёрки они заголосили нечто испуганное и помчались в сторону джунглей, бросив на месте копьё.

Преследовать их никто не стал, вместо этого каждый из нас занялся делом: я поменял трубку на копьё, Бамс взял второе, девушка и мужчина бросились к огромной куче вещей земного происхождения и принялись в ней лихорадочно копать. Очень скоро каждый издал довольный вопль.

— На месте! — воскликнул мужчина, доставая из кожаной сумки-барсетки уродливый двуствольный пистолет и два патрона, соединённых вместе клипсой. — Эх, жаль, что боеприпасов мало.

— А я возьму себе вот это! — в руках девушки сверкнул большой нож с чуть изогнутым лезвием с рисунком «железный войлок» и наборной рукояткой из бересты. — Вы что стоите? Ищите быстрее что-то подходящее из оружия, пока время есть.

— Мне этого хватит, — качнул я копьём, а Бамс не удержался и полез искать ништяки. Через полминуты он держал в руке ПМ.

— Дерьмо, — кратко охарактеризовал его находку мужчина. — «Макарыч», дешёвка. Наверное, и патроны с тридцаткой джоулей.

— Пигмеям и их хватит, — возразил Бамс. — Да их пальцем насквозь можно проткнуть. Краем глаза я увидел, как засветились символы на кольце.

— Внимание! Переход! — гаркнул я и взял копьё наизготовку.

— В сторону отойди, не стой напротив! — крикнул мне мужчина и сам встал в метре слева от края кольца. Рядом пристроилась девушка, Бамс в два прыжка занял место с другой стороны.

— Нас только не подстрелите, — попросил я, вставая рядом с парнем. Девушка держала в руке нож, отбросив трубку в сторону: из-за раны на лице выдувать снаряды не могла, и зачем только брала? Надеюсь, она умеет пользоваться холодняком, а не насмотрелась фильмов и мнит теперь себя великой героиней. Жаль, но в предыдущей рукопашной драке я не увидел, какова она в деле.

Мы прождали больше минуты, пока из кольца не появились первые фигуры. Выглядело это так: в центре портала возникало яркое радужное веретено с человеческую фигуру размером, которое спустя несколько секунд превращалось в человека.

Самыми первыми показались земляне, стянутые палками и лианами (наверное, верёвки уже закончились, что неудивительно при таком-то наплыве землян) пленные.

— Быстрее в сторону! — замахал на них пистолетом Бамс, отчего люди испуганно шарахнулись в сторону. Двое мужчин и женщина, на лицах синяки, одежда порвана.

— Сколько дикарей? Они идут за вами? — присо-единился к опросу мужчина. — Да не молчите вы, свобода и жизни ваши зависят от ответов, ну же?!

— Пять, пять их. Один шаман вроде бы... а нас двадцать человек, но половина отравлены стрелами... дротиками из трубок плевательных, — дружно враздрай заговорили они.

— Понятно. Так, быстро туда... ты, помоги им освободиться, — мужчина коснулся

локтя девушки, но та резко мотнула головой и подняла нож, неотрывно смотря на новое веретено, возникшее в портале.

— Помогите нам, пожалуйста, — взмолилась первая троица, неспособная самостоятельно освободиться от длинной кривой жерди, которая надёжно фиксировала их шеи.

— Потом, блин, всё потом! Не стойте на линии! — рывкнул на них Бамс, которого буквально колотило от напряжения и ожидания скорой драчки. — Вон там поищите ножи, какие-то складники валялись...

Его прервало появление новой троицы, на этот раз крепкого мужчины, почти великана, с двух сторон окружённого женщинами возрастом под сорок лет. Этот среагировал быстро и без лишних слов буквально оттащил в сторону свои живые гири. Ещё дважды в портале оказывались земляне, последними были две женщины, привязанные к самодельным — из жердей и веток, носилкам, на которых без сознания лежал молодой паренёк, почти подросток.

Наконец, показался абориген. Судя по двум маскам и уверенному виду, принадлежал он к высшей касте воинов. О том же говорило и оружие — древко духовой трубки были украшено пучками разноцветной шерсти, узорами и костяным мундштуком. Он не успел проморгаться после перехода, как подскочившая к нему девушка со звериным криком одним движением перерезала ему горло. Секундой позже хлопнул выстрел «макарыча». Резиновая пуля угодила в бицепс нашей союзницы, заставив ту дёрнуться и вскрикнуть от боли.

— Дура, куда лезешь?! — прикрикнул на неё растерявшийся Бамс. — А если в голову? Эй, ты чего?!

От взбучки, а возможно даже смерти, его спас командир нашего отряда, который ухватил девушку за полу куртки.

— Постой, сама виновата! Хватай тело и оттащи в сторону, — приказал он, потом крикнул нам: — Вы стойте и не вмешивайтесь. Сначала я отстреляюсь, потом вместе атакуем, если врагов будет больше двух.

Умиряющего пигмея, корчащегося в агонии, откинули в сторону за секунду, как появилось новое веретено. И вновь это оказался враг.

Мужчина стрелял с расстояния двух метров, пуля из «шамана» ударила в грудь, в маску, расколола её и отбросила врага назад с такой силой, словно того лягнула лошадь сразу обеими ногами.

После этой пары вновь потянулись земляне, способные двигаться несли на себе или на носилках, собранных на скорую руку, своих товарищей, отравленных дротиками дикарей.

Третьего дикаря вновь пристрелили из «шамана». На этот раз мощная пуля пробила его насквозь, угодив чуть ниже последнего левого ребра. Крови из раны хлынуло столько, что земля вокруг стала похожа на скотобойню. Даже у первого убитого из разрезанного горла столько не вытекло.

— Стреляй следующим, только раза три-четыре подряд, а ты держи копьё наготове, — сказал мужчина нам с Бамсом, торопливо перезаряжая свой пистолет. — Два патрона всего, оставляю для сильных противников.

Когда очередное веретено-радуга превратилось в дикаря с одной маской и ворохом бус, внутри у меня всё замерло — вот он шанс вернуться обратно к пирамиде, к берегу океана, где меня ждут.

— Живым! Живым брать! — закричал я так сильно, что Бамс вздрогнул, а шаман замер

на мгновение с поднятой ногой, не сделав шаг.

Первые две пули из «макарыча» попали шаману в рёбра, толкнув того назад и вызвав болезненный вскрик, третья угодила в маску, отколов кусок с нижней части.

— Стоп!

Оглушённый шаман всё ещё оставался на ногах, когда я подскочил к нему и пнул между ног, затем добавил древком копья по голове. А через секунду мне пришлось прикрывать собою дикаря, к которому хотела дотянуться ножом девушка. Не обращая внимания на мою ладонь, которая упиралась ей в грудь, эта фурия с изувеченным лицом шипела и плевалась кровью и готова была порезать меня, лишь бы дотянуться до шамана.

На помощь пришёл здоровяк из второй тройки, прошедший через портал. К этому времени часть землян, которые могли свободно двигать руками, отыскивали в горе добра несколько ножей и резали верёвки и лианы на своих товарищах.

Обхватив девушку руками, прижав руки к телу, он оттащил её от меня.

— Тихо, тихо, что ты так рассвирепела? — умиротворяюще произнёс он ей на ушко. — Успокойся, всё хорошо. Мы победили. Отпусти нож, он тебе сейчас не понадобится.

Понемногу девушка стала затихать, нож выскользнул из её пальцев, а потом и вовсе она разревелась.

— Меня Олегом зовут, — протянул руку мужчина с «шаманом». — Зачем он тебе? Этот колдун может быть опасен, я видел, на что он способен.

— Максим, — ответил я на рукопожатие и пояснил: — Мы можем вернуться на прежнее место, откуда нас дикари забрали. Вот он может открывать порталы, других умельцев не видел. У меня друзья остались там, — я махнул рукой в сторону кольца. — Если получится объяснить этому, то скоро мы сможем уйти из этого места.

— Хм, — призадумался собеседник, — интересно... пожалуй, возле реки, где наших выбросило, всем будет лучше. И земляков встретим, и от деревень дикарей, надеюсь, далеко. Вещей там много перенесло вместе с нами, сам видел полузатоленную фуру в воде. Так, свяжи его и охраняй со своим другом.

— Мы не друзья, чувак, — вставил свои пять копеек Бамс. — Так, товарищи по несчастью.

Но Олег уже отходил от нас и внимания на слова парня не обратил.

— А на каковском ты с этим собираешься базлать, чувак? — Бамс пнул носком кроссовка по голени бесчувственного шамана. — По виду — чурка чуркой, русских слов не понимает.

— Разберёмся там, принеси верёвок и палок. Вот они валяются, от наших остались.

Пока Бамс ходил за путами, я быстро освободил шамана от вещей, снял маску, бусы, браслеты. Немного подумал и стянул набедренную повязку. Уж лучше пусть смущает своим аппаратом стеснительных землян, чем окажется, что в этом разукрашенном материале живут духи или является деталь гардероба особо ядрёным артефактом.

От девятимиллиметровых пуль на коже пигмея остались багровые кровоподтёки, а последняя выбила несколько передних зубов и сильно повредила губы и дёсны, кровь из них текла тонкой струйкой и останавливаться не собиралась.

— Снайпер фигов, — выругался я при виде этой картины, имея в виду Бамса, — не хватало ещё, чтобы он колдовать не смог.

— Ого, вот это пистон! — присвистнул подошедший Бамс. — То-то эта сумасшедшая так на него бросалась, сразу всё разглядела, застолбить хотела. Мелкий-то он мелкий, а видать,

вся сила в корень ушла.

— Если она тебя услышит, то отрежет твой пистон. Наверное, он успел сделать ей что-то нехорошее, раз так отреагировала. Давай помогай связывать.

— Походу, так, — согласился со мною парень.

Пока возились с шаманом, из портала никто не по-явился. То ли второго открывателя межпространственных путей у пигмеев не было, то ли кто-то из убитых нами должен был вернуться и подать сигнал, мол, всё спокойно, ребята, идите дальше, и с той стороны его ждут не дождутся.

А пока была передышка, люди под руководством Олега торопливо собирали баррикаду вокруг портала. Стаскивались палки, камни, лианы. Из камней складывались невысокие стенки, из палок и лиан связывались примитивные рогатки и ставились в проходы между стенок. Так же лианы натянули в двадцати сантиметрах над землёй, чтобы враги при выходе из портала путались и падали. За каких-то сорок минут площадку перед каменным кольцом стало не узнать — почти линия Мажино.

Большую часть мужчин Олег, как-то исподволь взявший на себя роль командира, поставил сторожить портал. Остальные вместе с женщинами пошли по тюрьмам, освобождать пленников, кто не попробовал наркотической пайки тюремщиков.

Через два часа Олег скомандовал отбой.

— Всё, хватит, не будет здесь никого, — устало произнёс он и опустился на землю, сел там же, где стоял до этого, ожидая врагов.

[Купить полную версию книги](#)